

На правах рукописи

Козлов Федор Николаевич

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА
С РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ
В 1917–1943 ГГ.:
НА МАТЕРИАЛАХ МАРИЙСКОЙ, МОРДОВСКОЙ
И ЧУВАШСКОЙ АВТОНОМИЙ**

Специальность 5.6.1. Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Саранск – 2026

Работа выполнена в отделе истории государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия»

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор **Бикейкин Евгений Николаевич**

Официальные оппоненты: **Артамонова Людмила Михайловна,** доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный институт культуры», кафедра культурологии, музеологии и искусствоведения, профессор **Гавриленков Алексей Федорович,** доктор исторических наук, доцент, областное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный институт искусств», кафедра гуманитарных и социально-экономических наук, профессор **Имашева Марина Маратовна,** доктор исторических наук, доцент, государственное научное бюджетное учреждение «Академия наук Республики Татарстан», обособленное структурное подразделение государственного научного бюджетного учреждения «Академия наук Республики Татарстан» «Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», отдел истории Поволжья и Приуралья, ведущий научный сотрудник

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, г. Санкт-Петербург

Защита состоится 29 января 2027 г. в 10.00 часов на заседании объединенного диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук 99.2.053.02, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова», федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Марийский государственный университет» по адресу: 428034, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Университетская, д. 38 (учебный корпус № 3), зал заседаний ученого совета, к. 301.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова по адресу: 428034, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Университетская, д. 38, на сайтах <https://chuvsu.ru> и <https://marsu.ru>.

Автореферат разослан «16» октября 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Данилов Андрей Анатольевич

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Кардинальное реформирование с конца 1980-х гг. всех основ развития страны вызвало рост значения религии как одного из ключевых факторов духовного обновления. Государственно-конфессиональные отношения осознаются неотъемлемой частью процесса формирования внутренней стабильности общества. Кризис ценностных ориентиров прежней модели управления подтолкнул к выработке новой государственной политики в отношении крупнейшей конфессиональной структуры – Русской православной церкви (РПЦ). Значимость научного анализа методик и практик взаимодействия органов Советского государства и РПЦ продиктована потребностью учета положительных и отрицательных сторон накопленного опыта для проработки современной модели взаимоотношений властных структур, общества и религиозных объединений, в том числе в условиях изменения внешнеполитических реалий.

Тематика исследования актуальна и в региональном разрезе. Опыт взаимоотношений партийно-советских органов управления, общества и Православной церкви в национальных субъектах Среднего Поволжья до настоящего времени недостаточно изучен. Между тем именно в этом регионе, с одной стороны, наглядно вырисовывается поливариативность количественного соотношения (преобладание или нахождение в меньшинстве) титульного и других (прежде всего – русского) этносов, а с другой – сложная конфессиональная картина от «погруженности» в христианство и обрусения до сохранения язычества. На примере апробировавшихся на территории современных республик Марий Эл, Мордовии и Чувашии в период активного нациестроительства схем государственной конфессиональной политики можно выделить характерные и специфические черты и оценить их перспективность. Не менее востребованным является и анализ «обратной связи» – реагирования на местах со стороны различных социальных страт общества.

Таким образом, поднятые в исследовании проблемы имеют не только академическое, но и практическое значение. Накопленный исторический опыт важен в условиях активных этнодемографических изменений в национальных регионах.

Объектом исследования является модернизация государственно-конфессиональных отношений в 1917–1943 гг. в национальных регионах страны, рассматриваемая на примере Марийской, Мордовской и Чувашской автономий. В данный период истории происходила трансформация статуса Русской православной церкви как институции: внутри нее самой сохранялась целостность структуры и иерархичность подчинения, однако со стороны государства Православная церковь была поставлена в условия жестких законодательных ограничений, в том числе

по своему юридическому положению превратившись в самостоятельные «религиозные объединения» с узким спектром возможностей. При этом от имени государства выступали как непосредственно органы управления по советской и партийной линии, так и различные формально независимые, но созданные государством и жестко им контролируемые общественные организации. Вместе они формируют единый контур механизма регулирования «религиозного вопроса». Обе названные силы влияли и при этом сами находились в зависимости от общества, под которым понимается проживающее на определенной территории и соединенное в национально-государственные образования множество людей, связанных между собой независимо от занимаемого положения сложной системой межличностного и группового взаимодействия.

Предметом исследования служит взаимодействие органов власти, общества и Русской православной церкви на территории Марийской, Мордовской и Чувашской автономий в 1917–1943 гг., рассматриваемое в призме основных аспектов реализации государственной конфессиональной политики: становление и развитие атеистического движения как государственной идеологии, формирование раскольнических движений в Русской православной церкви и их поддержка со стороны властных институтов, репрессивные практики со стороны советских органов управления как форма подавления инакомыслия, секуляризационные действия как элемент ограничения финансово-материальных возможностей Церкви.

Выбранные **хронологические рамки** обусловлены относительной целостностью периода. Нижняя граница: 1917 г. – рубеж, разделивший синодальную эпоху (когда Церковь институционально являлась частью государственного аппарата) и новейший период ее истории. Поместный собор Русской православной церкви принял решение о восстановлении патриаршества и 18 ноября 1917 г. избрал Патриархом Московским и всея Руси митрополита Московского и Коломенского Тихона (Беллавина). Возникшее в результате октябрьских событий 1917 г. Советское государство стремилось минимизировать общественную значимость Церкви как института и добиться «отмирания» религии как идеологии. Стратегически эта цель оставалась неизменной, однако государственная конфессиональная политика в начале 1940-х гг. была откорректирована под влиянием внешних и внутренних факторов. Патриотическая позиция РПЦ уже в первые недели Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. привела к прекращению антирелигиозной пропаганды, но не остановила процесс закрытия церквей и изъятия культового имущества. Секуляризационные действия практически прекратились только в 1942 г., тогда же начался и обратный процесс возвращения верующим отдельных храмов. В 1943 г. состоялось два знаковых события: выборы Патриарха Московского и всея Руси и создание при СНК СССР Совета по делам Русской православной

церкви. В отдельных случаях для выяснения причин анализируемых явлений привлекались данные второй половины XIX – начала XX вв.

Исследование охватывает **территориальные границы** трех субъектов Российской Федерации: республик Марий Эл, Мордовия и Чувашия. Выбранные регионы относительно близки по общественно-политическим и социально-экономическим показателям. Все они являются национальными образованиями с полиэтническим, преимущественно православным составом населения. При этом титульный этнос всегда являлся численно преобладающим только в Чувашии. До создания национальных автономий указанная территория входила в состав уездов Вятской, Казанской, Нижегородской, Пензенской, Симбирской и Тамбовской губерний. В 1920-е гг. созданы национально-территориальные автономии марийского, мордовского и чувашского народов, юридический статус и административные границы которых стабилизировались к концу 1930-х гг. Вариативность национально-государственного строительства и развития национального самосознания оказывала определенное влияние на специфику государственно-церковного взаимодействия и общественных реакций на происходившие изменения.

Степень научной разработанности проблемы проанализирована в первом параграфе первой главы. Рассмотрение взаимодействия власти, общества и Церкви в советский период имеет достаточно длительную традицию. Вместе с тем взаимоотношения власти, общества и Церкви в конце 1910-х – начале 1940-х гг. на материалах Марий Эл, Мордовии и Чувашии в сопоставительном фокусе не изучались. При этом имеются работы, в которых на региональном материале отражены отдельные аспекты такого взаимодействия. Важно также отметить, что в виду многоплановости выбранной темы ее изучение не ограничивается только исторической научной и научно-популярной литературой и требует привлечения религиоведческих, культурологических, политологических, филологических, социологических и др. исследований.

Цель работы заключается в проведении комплексного исследования взаимоотношений в системе «Советская власть – общество – Русская православная церковь» на территории Марийской, Мордовской и Чувашской автономий в 1917–1943 гг.

Для ее достижения решаются следующие **задачи**:

- охарактеризовать основные этапы отечественной и зарубежной историографии проблемы и оценить уровень проведенных обобщений и сравнений, выявить оптимальный объем репрезентативной базы источников для раскрытия поставленной цели;

- определить концептуальные основы конфессиональной политики Советского государства, оказывавшие влияние на формирование и развитие государственно-церковных отношений в национальных регионах в новых исторических условиях;

- выявить сходство и отличия в развитии антирелигиозной пропаганды на региональном уровне и в этническом аспекте;
- осмыслить роль расколов в Русской православной церкви в контексте взаимоотношений государства, общества и Церкви, отразить степень ситуативной реакции партийно-советских органов и населения на возникновение «оппозиционных» движений в Церкви;
- проанализировать значение репрессий как элемента государственной конфессиональной политики, определив факторы и основные методы насильственного подавления инакомыслия и степень их временной актуализации и зависимости от общего курса в стране;
- проследить динамику экономического прессинга со стороны властных структур на православные вероисповедные объединения и осветить религиозный фактор сопротивления на проводимые в стране экономические преобразования, выделив на примере Марийской, Мордовской и Чувашской автономий общие и специфические черты;
- раскрыть отношение и формы реакции со стороны Русской православной церкви в лице ее иерархов и отдельных духовных лиц к проводимой государством религиозной политике и особенности проявления и реализации установок Центра в национальных регионах;
- охарактеризовать основные поведенческие модели населения в зависимости от социальной стратификации и этнической принадлежности при изменении формата государственно-конфессиональных взаимоотношений;
- обобщить исторический опыт взаимодействия государства, общества и Церкви в 1917–1943 гг., выделить позитивные и негативные стороны, выработать теоретические и практические рекомендации.

Источниковая база исследования подробно проанализирована в третьем параграфе первой главы. Выбранная тема носит многоаспектный характер, и для решения поставленных задач использовался обширный массив разноплановых источников: неопубликованных (документы 133 фондов 15 архивных учреждений) и опубликованных. В целом привлеченные источники позволили провести комплексное изучение поставленной научной проблемы.

Научная новизна диссертационного исследования заключается во впервые поставленном и раскрытом как научная проблема комплексном изучении многофакторного взаимодействия Советского государства, общества и Русской православной церкви в 1917–1943 гг. на материалах трех национальных регионов: Марийской, Мордовской и Чувашской автономий. Будучи национальными по определению, данные субъекты полиэтничны по составу населения. На основе теоретического и конкретно-исторического осмысления опубликованных материалов и вводимого в научный оборот значительного массива документальных источников в сопоставительно-целостной картине представлена

трансформация на региональном уровне государственного курса на исключение православия из основных сфер общественно-политического и социокультурного развития, реакции со стороны духовенства на изменение своего статуса и отношения граждан к действиям как советско-партийного аппарата, так и церковных кругов.

Происходившая в стране смена одних правящих кругов другими влекла за собой динамичное изменение элитных групп. Методологические принципы теорий элит, социальной мобильности и социального предательства впервые позволили в сравнительном аспекте показать, что взаимодействующие стороны в исследуемых регионах не представляли собой монолитное единство: и в партийно-советской, и в церковной иерархии имелись группы, готовые отступить от общего курса и пойти на временный или даже постоянный компромисс. Последнее наиболее характерно для РПЦ, где коллаборация с властью провоцировала открытые конфликты. При этом здесь имело место как отражение общегосударственного развития событий, так и региональная специфика. На примере трех национальных субъектов Среднего Поволжья были изучены формы и методы, выявлено общее и отличающее в реакции священнослужителей и прихожан на проводимую государством конфессиональную политику и выстраиваемую со стороны правящих церковных кругов линию взаимоотношений с государством.

Особое внимание уделено изучению секуляризационной практики со стороны властных институций. При этом учитывалась двойственность данного процесса: с одной стороны – это изменение сознания, ценностных установок и поведения людей, с другой – процесс отторжения в пользу государства принадлежавшей религиозным институтам движимой и недвижимой собственности. Такой подход позволил отразить специфику религиозности в полиэтнических образованиях, выявить региональные и этнические особенности развития атеистической пропаганды и формирования модели «советской» ментальности, а также определить динамику экономического подавления РПЦ и вскрыть финансовые мотивы многих правительственных решений по ограничению материальных возможностей православных религиозных объединений.

Государственный курс конфессиональной политики, в том числе и отношения к верующим, неизбежно включал в себя репрессивные практики как способ борьбы с инакомыслием. Проведенный анализ позволил впервые в региональной историографии представить сравнительную характеристику роли карательных мер и вариативности их применения в конъюнктурной зависимости от общего состояния государственно-церковных отношений и позиции местных властей.

В результате проведенного исследования была сформирована обоснованная оригинальная трактовка региональных практик взаимодействия властных институтов, общества и Церкви.

Содержание и полученные результаты соответствуют следующим направлениям специальности 5.6.1. Отечественная история: 3. Социально-экономическая политика Российского государства и ее реализация на различных этапах его развития; 4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов; 6. История повседневной жизни различных слоев населения страны на соответствующем этапе ее развития; 13. История взаимоотношений государства и религиозных конфессий. История религий и церкви в России; 17. Личность в российской истории, ее персоналии. История российских элит; 18. История изменения ментальностей народов и социальных групп российского общества.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Универсальный характер предложенной в диссертации методологической концепции способствует определению ключевых направлений взаимодействия Советского государства, общества и Русской православной церкви и применению основных полученных результатов в дальнейшей теоретической разработке этих вопросов как на уровне Центра (формирование основополагающих принципов), так и региональном уровне. При этом значение результатов исследования не ограничивается территориальными рамками только трех анализируемых субъектов, а с учетом единства функционирования советской системы многие выводы и предложения могут быть применены и для других регионов страны, в том числе как для выявления общих черт и закономерностей, так и для понимания вариативности и специфики.

Прикладной характер исследования определяется возможностью использования фактического материала и теоретических выводов автора органами государственной власти и церковного управления, общественными организациями, имеющими непосредственное отношение к формированию в стране устойчивой этноконфессиональной политики и достижению государственно-церковного, межэтнического и межконфессионального согласия. Аналитические оценки и обобщения могут послужить одной из основ разработки конкретных программ по развитию государственно-церковного партнерства и использоваться при формировании программ специальных вузовских курсов «Основы государственной политики в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений» и «Основы российской государственности». Результаты исследования также могут быть практически применены при создании научных работ по истории России, ее регионов и государственно-церковных отношений.

Методология и методы исследования подробно раскрыты во втором параграфе первой главы. Совокупность методов и подходов позволила провести комплексное изучение взаимоотношений властных институтов, общества и Православной церкви в 1917–1943 гг. в национальных

регионах Среднего Поволжья в контексте происходивших в Советской России – СССР изменений в общественно-политической, экономической и социокультурной сферах.

Положения, выносимые на защиту:

1. В условиях модернизационной смены власти и установления в стране нового правящего режима государственно-церковные отношения существенно изменились в силу законодательно закреплённого принципа отделения Церкви от государства. Однако практическая реализация концептуальных положений ограничительного характера столкнулась с целым рядом серьёзных затруднений, в результате чего государственно-церковные взаимоотношения продолжили играть одну из ведущих ролей общественно-политического и социокультурного развития Марийской, Мордовской и Чувашской автономий.

2. Одним из ключевых компонентов борьбы с РПЦ в Советской России – СССР стала возведённая в ранг официальной идеологии доктрина атеизма как часть секуляризации сознания, ценностных установок и поведения людей. В своем становлении она прошла путь от воинственно-агрессивных нападок антирелигиозной пропаганды первых лет до научной постановки вопроса с аппаратным и методическим обеспечением и организацией широкого партийно-государственно-общественного фронта. При однотипности основных методов и практик работы воинствующих безбожников в Марийской, Мордовской и Чувашской автономиях и их зависимости от спускаемых из Центра установок имело место несоответствие запланированных и достигнутых результатов в силу недооценки этнического своеобразия, степени проникновения православия в мировоззренческие установки мари, мордвы и чувашей и формализованного подхода.

3. Наступление со стороны государства на Церковь велось не только путем открытой пропагандистской работы и формирования новой советской культуры. Значимым фактором государственно-церковного противостояния стало использование советско-партийными органами «пятой колонны» в Русской православной церкви. С помощью лояльной части духовенства органам государственного управления удалось добиться раскола в Русском православии и сформировать альтернативную каноническому Патриаршему Центру обновленческую («советскую») церковь. Внутрицерковный конфликт в Марийской и Чувашской автономиях протекал в форме межнационального противостояния с русским духовенством и даже вылился в образование (с недолгим существованием) автокефальной церкви в Чувашии и возвращение части мари к своей традиционной вере. В названных регионах активно проявилось и другое оппозиционное движение, вызванное неприятием декларации митрополита Сергия (Страгородского) 1927 г. об отказе от противостояния с советской властью. Расколы способствовали некоторому падению авторитета местного духовенства.

4. Одним из активно используемых инструментов государственной конфессиональной политики стали репрессии. Карательные меры периода конца 1910-х – начала 1940-х гг. носили волнообразный характер. Национальные автономии схожи отражением российской и союзной тенденций, когда на ужесточении и смягчении репрессивной политики сказывались общие социально-политические и экономические процессы в стране. В сопоставительном плане рассматриваемых регионов различаются количественные, но не качественные показатели. Будучи явлением многоаспектным, репрессии проявлялись в ограничении социальных прав и возможности заниматься определенными видами деятельности, привлечении лиц духовного звания к различным обязательного рода трудовым повинностям, а также физическом устранении идеологических конкурентов. Фактически каждый священно- или церковнослужитель, а также члены их семей и наиболее активные прихожане оказались жертвами карательного молоха.

5. Самых существенных результатов по ущемлению прав и возможностей Русской православной церкви органам государственного управления удалось добиться в экономической области. Политика финансовых ограничений, экспроприации недвижимого и иного материального церковно-монастырского и личного имущества, введения жесткой регламентации хозяйственной деятельности православных религиозных объединений привели к значительному ухудшению материального положения духовенства Марийской, Мордовской и Чувашской автономий и способствовали сокращению общего числа лиц священнического звания, а также добровольному отказу верующих ряда приходов от содержания храмов и закрытию последних.

6. Меры административно-принудительного и финансового прессинга в отношении религиозных объединений привели к тому, что к началу 1940-х гг. в Марийской, Мордовской и Чувашской АССР были закрыты почти все храмы. Помимо использования как показателя успехов антирелигиозной работы эта акция имела и конъюнктурный экономический интерес со стороны органов управления. За счет изъятого культового движимого и недвижимого имущества удовлетворялись растущие потребности советской экономики и покрывался дефицит помещений для учреждений социокультурной, образовательной и иных сфер.

7. Отношение РПЦ к государственной конфессиональной политике в рассматриваемый период претерпело серьезные изменения. Причем церковную политику в отношении государства нельзя рассматривать как однородно линейную. Резкая конфронтация первых лет (отдельные примеры поддержки представителями духовенства начинаний новых властей не влияют на общую оценку ситуации) сменилась несколькими одновременно идущими в 1920-е гг. процессами: одна часть духовенства выступала непримиримыми оппонентами советской власти, другая искала

возможности для государственно-церковного сближения и формирования некоего симбиоза совместного развития, третьи выбрали радикальный путь обмирщения и, отказавшись от сана, попытались раствориться в общей гражданской массе. Последний из вариантов оказался наиболее распространен в Чувашской АССР; первые два пути представлены во всех национальных автономиях. Сформировавшиеся в 1920-е гг. тенденции характерны и для всего последующего периода вплоть до начала Великой Отечественной войны, когда степень церковно-государственной конфронтации свелась к минимуму и иерархи Русской православной церкви открыто выступили в поддержку Советского правительства.

8. Реакция населения Марийской, Мордовской и Чувашской автономий на действия партийно-советских органов управления и государственно-общественных организаций была поливариативной, при этом ее сложно характеризовать только по национальному или только по социальному признаку. Дифференциация проходила и формировала этническую и региональную специфику по различным векторным направлениям. Восприятие практиковавшихся форм и методов осуществления государственной конфессиональной политики, степень внедрения атеистического и сохранения религиозного мировоззрения, секуляризация духовного мира или материальной составляющей культа, отношение к организационным изменениям церковной жизни и выстраиваемому Церковью взаимодействию с государством зависели от национальной, половозрастной, социальной, территориальной (городское или сельское) принадлежности и особенностей христианизации населения.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Основные положения исследования нашли отражение в 7 монографиях (одна – в соавторстве), сборнике документов и материалов, 23 статьях в научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России, 43 других научных статьях и докладах. Материалы диссертационного исследования в полной мере изложены в опубликованных соискателем трудах общим объемом 163,55 п.л. Основные теоретико-методологические подходы и практические результаты исследования представлены в виде докладов на международных, всероссийских и межрегиональных научно-практических, научно-теоретических и научно-богословских конференциях.

Структура диссертационного исследования включает Введение, основную часть из пяти глав, Заключение, Список использованных источников и литературы, Приложения.

2. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы, определены объект и предмет, хронологические и территориальные рамки диссертационного

исследования, проанализирована степень научной разработанности проблемы, сформулированы цель и задачи, охарактеризованы источниковая база и методологическая основа исследования, определены научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, приводятся выносимые на защиту положения, отражены апробация результатов и структура исследования.

Первая глава «Взаимодействие государства, общества и Русской православной церкви в национальных регионах РСФСР как предмет исторического исследования» состоит из трех параграфов.

В *первом параграфе «Историография проблемы»* обобщен и проанализирован опыт изучения взаимоотношений государства, общества и Русской православной церкви в 1917–1943 гг. в Марийской, Мордовской и Чувашской автономиях. Выделяются два основных периода: советский и современный – различающиеся по основным методологическим подходам, источниковой базе и интенсивности разработки темы исследования.

Для созданных в конце 1910-х – 1930-е гг. работ концептуальной основой служила официальная идеология, а их характер был агитационно-публицистическим¹. Фактологической и аналитической составляющей выделялись работы П. В. Гидулянова² и Н. М. Маторина³. Основные тенденции проявлялись и в региональной литературе через тиражирование пропагандистских брошюр местных авторов⁴ и рассмотрение развития атеистической пропаганды, секуляризационной политики и т. п. как составной части успехов социалистического строительства⁵. Своеобразный пограничный рубеж в историографии вопроса определила Великая Отечественная война. Короткий предвоенный период 1940-х гг. еще отмечен появлением одиозных работ⁶. В целом, 1940-е – первая половина 1950-х гг. характеризуются выходом более сдержанных в оценках роли

¹ XX-летие отделения церкви от государства. М., 1938; *Горев М.* Церковные богатства и голод в России. М., 1922; *Зарин П.* Февральская революция и церковь (По архивным материалам Черноземных губерний) // *Антирелигиозник*. 1937. № 3. С. 58–66; *Кандидов Б. П.* Монастыри-музеи и антирелигиозная пропаганда. М., 1929; *Красиков П. А.* На церковном фронте (1918–1923). М., 1923; *Лукин Н. М.* Революция и церковь. М., 1923; и др.

² *Гидулянов П. В.* К вопросу о необходимости существования в системе государственного управления СССР высшего центрального учреждения по делам культов // *Революция и церковь*. 1923. № 1. С. 29–34.

³ *Маторин Н. М.* Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. М., 1929.

⁴ *Быстров К.* Турă пур-и, сук-и? [Существует Бог или нет?]. М., 1925; *Волков М. А.* Ёҥе чиркӱ (Чиркӱ сӓтӓрлан синчен) [Новая церковь (О вреде церкви для трудящихся)]. Шупашкар, 1926; и др.

⁵ 1917–27 год: наши достижения. Краснококшайск, 1927; *Васильев Т. В.* Мордовия. М., 1931; *Купряшкин Т., Самаркин В.* 1917-й год в Мордовии. Саранск, 1939; *Михайлов А. М.* 10 лет Октябрьской революции и ЧАССР. Чебоксары, 1927; *Рузавин Д., Петров С.* Мордовская АССР. Саранск, 1939; *Юшунев Н. Л.* Чувашская АССР. М., 1933; *Янтемир М. Н.* Марийская автономная область. Йошкар-Ола, 1928; и др.

⁶ См., напр.: *Олещук Ф.* Борьба церкви против народа. М., 1941; и др.

Церкви трудов⁷. В региональной историографии фрагментарные сведения вводились в научный оборот в публикациях о развитии образования⁸ и борьбе с голодом 1921–1922 гг.⁹

С середины 1950-х гг. спектр научных исследований расширяется. Наряду с анализом реализации первых затрагивающих Церковь советских декретов, развития атеистической пропаганды, изъятия церковных ценностей¹⁰ внимание привлекают внутрицерковные конфликты¹¹. В региональной историографии интересующая нас тема остается ракурсом становления советской власти, развития системы образования, колхозного строительства и др.¹² Одной из актуальных тем являлся анализ атеистической работы, где помимо общей характеристики¹³ рассматриваются отдельные аспекты (гендерный, литературно-жанровый)¹⁴.

⁷ См., напр.: Правда о религии в СССР. М., 1942.

⁸ Ососков А., Котков К. Народное образование в Мордовской АССР. Саранск, 1946.

⁹ Димитриев В. Д. Помощь советского государства и русского народа трудящимся Чувашии по борьбе с голодом 1921–1922 гг. // Записки ЧНИИ. Вып. IV. Чебоксары, 1950. С. 3–49.

¹⁰ Зыбковец В. Ф. Национализация монастырских имуществ в советской России (1917–1921 гг.). М., 1975; Коновалов Б. Н. Союз воинствующих безбожников // Вопросы научного атеизма. М., 1967. Вып. 4. С. 63–93; Персиц М. М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР (1917–1919 гг.). М., 1958; Плаксин Р. Ю. Крах церковной контрреволюции. 1917–1923 гг. М., 1968; Поляков Ю. А. 1921-й: победа над голодом. М., 1975; По этапам развития атеизма в СССР. Л., 1967; и др.

¹¹ Трифонов И. Я. Раскол в русской православной церкви (1922–1925 гг.) // Вопросы истории. 1972. № 5. С. 64–77; Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола русской православной церкви. Казань, 1970; и др.

¹² Агеев М. В. Победа колхозного строя в Мордовской АССР. Саранск, 1960; Альмяшева Л. Н. Борьба с голодом в Поволжье и контрреволюционная деятельность церкви в Мордовии в 1922 году // Вопросы истории и археологии Мордовской АССР. Вып. 2. Саранск, 1976. С. 70–79; Очерки истории Марийской АССР (1917–1960). Йошкар-Ола, 1960; Очерки истории марийской организации КПСС. Йошкар-Ола, 1968; Очерки истории Мордовской организации КПСС. Саранск, 1967; Очерки истории чувашской областной организации КПСС. Чебоксары, 1974; Петров И. Е. Чувашия в первые годы диктатуры пролетариата. Чебоксары, 1961; Пиксаев А. О., Яшкин И. А., Кривуляк Ю. М. Социальные преобразования в Мордовии. Саранск, 1969; Степанов Н. С. Очерки истории советской чувашской школы. Чебоксары, 1959; Талдин Н. В. Очерки истории мордовской школы. Саранск, 1956; Хлебников А. В. Образование и развитие Советской автономии марийского народа. 1917–1929. Йошкар-Ола, 1970; и др.

¹³ Балашов В. А. Культура и быт мордовского колхозного села. Саранск, 1975; Денисов П. В. Религия и атеизм чувашского народа. Чебоксары, 1972; Киселев А. Л. Социалистическая культура Мордовии. Саранск, 1959; Кудряшов Г. Е. Пережитки религиозных верований чуваш и их преодоление. Чебоксары, 1961; и др.

¹⁴ Ежова В. П., Лопатова В. И., Слестухин Н. Н. Женщины Советской Мордовии. Саранск, 1964; Женщины Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1968; Изоркин А. В. Атеистическая сатира в журналах «Красное жало» и «Кочедык» // Ученые записки ЧНИИ. Вып. 49. Чебоксары, 1970. С. 106–114; Климкина А. В. Делегатские собрания как важнейшая форма вовлечения женщин в общественно-политическую жизнь (1919–1925 гг.) // Исследования по истории Мордовской АССР. Саранск, 1972. С. 92–115; и др.

С конца 1970-х гг. при сохранении общего курса на критику религии и Церкви отмечается отход от жестких догматических оценок и введение в научный оборот новых архивных документов¹⁵. В региональной историографии помимо общих аспектов¹⁶ разрабатываются вопросы участия духовного сословия в формировании этнической интеллигенции¹⁷. Описание развития атеизма в целом¹⁸ дополняется публикациями по отдельным моментам антирелигиозной работы (анализом фольклорного аспекта¹⁹ и творчества представителей национальных литератур²⁰). При коррекции политики в конфессиональной сфере на рубеже 1980–1990-х гг. трактовки государственно-церковных отношений эволюционируют в сторону большей сдержанности и фактологической обоснованности. Появляются первые критические (еще относительно мягкие) оценки действий государства²¹. В гуманитарных исследованиях религия начинает рассматриваться как социокультурный феномен²². Данные тенденции не сказались на региональных исследованиях, где взаимоотношения государства, общества и Церкви по-прежнему остаются вкраплениями в комплексные работы²³.

С 1990-х гг. в научный оборот включен значительный пласт недоступных ранее источников и существенно расширен спектр изучаемых аспектов. За три десятилетия в обобщающих трудах О. Ю. Васильевой, А. Н. Кашеварова, М. В. Шкаровского, М. Ю. Крапивина, И. А. Курляндского, М. И. Одинцова, А. Л. Беглова и др. сформировалась принципиально новая оценка взаимоотношений государства, общества и

¹⁵ Гордиенко Н. С. Эволюция русского православия (20-е–80-е годы XX столетия). М., 1984; Куроедов В. А. Религия и церковь в советском обществе. М., 1984; Плаксин Р. Ю. Тихоновщина и ее крах. Л., 1987; и др.

¹⁶ История Марийской АССР: в 2 т. Т. 2. Эпоха социализма. Йошкар-Ола, 1987; История Мордовской АССР: в 2 т. Т. 2. Саранск, 1981; Очерки истории Чувашской областной организации ВЛКСМ. Чебоксары, 1978; Очерки истории марийской организации ВЛКСМ. Йошкар-Ола, 1984; Хлебников А. В. Развитие советской автономии марийского народа. 1929–1936. Йошкар-Ола, 1976; и др.

¹⁷ Васенев С. А. Становление и развитие марийской нации. Йошкар-Ола, 1982; Ивашкин В. С. Формирование советской интеллигенции в Мордовии (1917–1941 гг.). Саранск, 1972; Мордва: Историко-этнографические очерки. Саранск, 1981; и др.

¹⁸ Альмяшева Л. Н. На путях к духовной свободе. Саранск, 1983; Кудряшов Г. Е. Кризис религии. Чебоксары, 1981; Развитие атеизма в Мордовии. Саранск, 1972; и др.

¹⁹ Одюков И. И. Халӓх сӓмахлӓхӓ тӓне хирӓс [Устное народное творчество против религии и суеверий]. Шупашкар, 1961.

²⁰ Гуров Ю. С. Воинствующий атеизм Сеспеля // Ученые записки ЧНИИ. Вып. 51. Чебоксары, 1971. С. 245–256; Циркин С. О. Захар Федорович Дорофеев. Саранск, 1986.

²¹ Алексеев В. А. Иллюзии и догмы: Взаимоотношения Советского государства и религии. М., 1991; и др.

²² Митрохин Л. Н. Философы и религия // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 16–35.

²³ Адушкин Н. Е. Народная, национальная, социалистическая. Саранск, 1988; Балашов В. А. Бытовая культура мордвы: традиции и современность. Саранск, 1992; Сергеев Т. С. Культура Советской Чувашии. Чебоксары, 1989; и др.

Церкви в советский период²⁴. Углубляется изучение и ранее актуальных вопросов антирелигиозного воспитания и внедрения атеизма, трансформации повседневного уклада жизни и общественных настроений²⁵. Высок интерес к репрессивной политике²⁶, организованным против Церкви «кампаниям» (иконоборчество²⁷, вскрытие мощей²⁸, изъятие церковных ценностей²⁹) и внутрицерковной жизни³⁰. Вышли биографические исследования³¹, источниковедческие и

²⁴ *Васильева О. Ю.* Русская Православная церковь и Советская власть в 1917–1927 годах // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 40–54; *Ее же.* Русская Православная церковь в 1927–1943 годах // Там же. 1994. № 4. С. 35–46; *Кашиеваров А. Н.* Государство и Церковь. Из истории взаимоотношений советской власти и Русской Православной церкви. 1917–1945 гг. СПб., 1995; *Крапивин М. Ю.* Религиозный фактор в социально-политической жизни советского общества (октябрь 1917 – конец 1920-х гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1999; *Курляндский И. А.* Сталин, власть, религия. М., 2011; *Одинцов М. И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма 1917–1953 гг. М., 2014; Русская православная церковь. XX век / А. Л. Беглов, О. Ю. Васильева [и др.]. М., 2015; *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2000; и др.

²⁵ *Лебедева Л. В.* Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е годы. М., 2009; *Лебина Н. Б.* Деятельность «воинствующих безбожников» и их судьба // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 154–157; *Слезин А. А.* Межпоколенческий разлом российской деревни // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 3. С. 446–477; *Шевченко В. А.* Формирование антирелигиозных представлений советской школой. 1927–1932 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007; и др.

²⁶ *Гавриленков А. Ф.* Положение православных верующих на Смоленщине в 20–30-е гг. XX в. // Церковь. Богословие. История. 2021. № 2. С. 87–95; *Емельянов Н. Е.* Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь (1917–1952 гг.) // Православный Свято-Тихоновский Богословский институт: [электронный ресурс]. URL: <https://pstgu.ru/download/1234722742.5.pdf>; и др.

²⁷ *Рогозный П. Г.* Конфликты вокруг икон во время Гражданской войны // Петербургский исторический журнал. 2024. № 1. С. 50–63; и др.

²⁸ *Козлов В. Ф.* Судьбы мощей русских святых // Отечество. Краеведческий альманах. 1991. Вып. 2. С. 136–159; *Серегина И. И.* Кинодокументы РГАКФД: Антирелигиозная кампания Советского государства по вскрытию мощей православных святых в 1918–1930-х гг. // Вестник архивиста. 2011. № 3. С. 151–161; и др.

²⁹ *Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н.* Красные конкистадоры. М., 1994; *Кривова Н. А.* Власть и церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства // Образование и православие: [электронный ресурс]. URL: https://www.orthedu.ru/ch_hist/hi_rpz/maps/203mizh%20v.htm; и др.

³⁰ *Беглов А. Л.* Понятие «катакомбная церковь»: мифы и реальность // Церковная жизнь XX века: протоиерей Александр Мень и его духовные наставники: материалы Меневских чтений. Сергиев Посад, 2007. С. 51–59; *Воронцова И. В.* Религиозно-философские истоки «обновленческого раскола» (1917–1923) // Новый исторический вестник. 2007. № 16. С. 112–119; *Шкаровский М. В.* Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. СПб., 1999; и др.

³¹ *Вятский исповедник: святитель Виктор (Островидов).* М., 2010; *Одинцов М. И.* Крестный путь патриарха. Жизнь и церковное служение патриарха Московского и всея Руси Сергия (Страгородского). 1867–1944. М., 2022; *Фирсов С. Л.* «Рабочий батюшка». Штрихи к портрету обновленческого «митрополита» Александра Ивановича Боярского // Вестник ПСТГУ. 2005. № 4 (История). С. 67–90; и др.

историографические обзоры³². Знаковой чертой становится поляризация оценок действий лидеров государства³³. Активно развивается изучение государственно-церковных отношений в региональном разрезе, о чем свидетельствует динамика диссертационных работ³⁴.

Проявляют себя отмеченные тенденции и в республиках Марий Эл, Мордовия и Чувашия. Обзорные характеристики государственно-конфессиональных отношений включены в общие курсы по истории регионов и этносов³⁵. «Религиозный вопрос» по-прежнему оказывается в фокусе внимания через традиционные историографические аспекты: аграрная политика советской власти³⁶, нациестроительство³⁷, развитие образования и культурно-просветительская деятельность³⁸, голод 1921–

³² Лобанов В. В. Архивные источники по истории «обновленческого» раскола в Русской православной церкви // Отечественные архивы. 2014. № 4. С. 70–79; Петров С. Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП (б) как источник по истории Русской церкви (1921–1925 гг.). М., 2004; Шилкина М. Подходы к изучению «обновленчества» в церковной и светской литературе // Вестник РГГУ. 2011. № 17. С. 174–180; и др.

³³ Волкогонов Д. А. Ленин: Политический портрет: в 2 кн. Кн. 2. М., 1994. С. 215; Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии. М., 2001. С. 5, 7; и др.

³⁴ Абдулов Н. Т. Уфимская епархия в системе государственно-церковных отношений. 1917–1991 годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2006; Аристова К. Г. Обновленчество в Пензенской епархии в 1917–1923 гг.: первые уроки советской власти: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2011; Доброновская А. Н. Религиозная жизнь населения Приенисейского края на переломе эпох (1905–1929 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2007; Ильязова Р. В. Антирелигиозная пропаганда в СССР в 1918–1941 гг. (по материалам Симбирского – Ульяновского края): дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск, 2020; Поляков А. Г. Церковно-государственные отношения в 1917 – середине 1920-х гг. (на материалах Вятской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2007; и др.

³⁵ Абрамов В. К. Мордовский народ (1897–1939). Саранск, 1996; История Марий Эл с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 2. Йошкар-Ола, 2020. С. 253–261; История Чувашии новейшего времени. 1917–1945. Чебоксары, 2001. С. 117–119; Юрченков В. А. Начертание мордовской истории. Саранск, 2012; и др.

³⁶ Надькин Т. Д. Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. М., 2010; и др.

³⁷ Абрамов В. К. Мордовское национальное движение. Саранск, 2010; Минеева Е. К. Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальных автономий (1920–1930-е годы). Чебоксары, 2009; Минеева Е. К., Иванова Т. Н., Зыкина А. П., Минеев А. И., Старостин А. Н. Наркомнац РСФСР и реализация национальной политики в 1917–1920-е годы. М., 2022; и др.

³⁸ Аринаина Н. П. Формирование и развитие системы образования и ее роль в социально-культурном развитии региона (1918–1920 гг.) (на материалах Симбирской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005; Житаев В. Л., Зубарева И. Г., Ивлиев С. А., Климашин И. А. Ликвидация неграмотности в Мордовии (конец XIX – 50-е годы XX в.). Саранск, 2012; Житаев В. Л., Кадакин В. В. Культурно-просветительская деятельность земства Краснослободского уезда Пензенской губернии. Саранск, 2010; Лаптун В. И. Из истории провинциальной культуры. Саранск, 2010; Куршева Г. А. Общество, власть и образование в условиях модернизации в СССР. Саранск, 2007; Шукишина Т. И. Мордовская школа 1920–1930-х гг. Саранск, 2003; и др.

1922 гг. и кампания по изъятию церковных ценностей³⁹, деятельность антирелигиозных организаций⁴⁰. Вместе с тем за последние годы дискурс существенно расширен. Отмечается рост внимания к организации духовной жизни и этнокультурологическому осмыслению места Православия⁴¹. В работах ряда исследователей (А. И. Белкин, Ф. Н. Козлов, Н. С. Попов, В. А. Юрченков) анализируются особенности государственно-церковных отношений и отношений власти и общества в национальных регионах⁴². В. Г. Востриковым и Е. В. Касимовым на региональном материале Марий Эл и Чувашии соответственно изучается отношение населения (прежде всего, крестьянства) к вероисповедной политике Советского государства⁴³. Составной частью изучения

³⁹ *Богданович Л. А.* Изъятие церковного имущества и церковных ценностей на территории Мордовского края в конце 1910-х – начале 1920-х гг. // Сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф., посв. 130-летию со дня рождения С. Д. Эрзи. Саранск, 2006. С. 101–105; *Иванов А. А.* Голод 1921–1922 гг. и конфискация церковных ценностей в Марийской автономной области // Христианизация народов Среднего Поволжья и ее историческое значение: материалы регион. науч. конф. Йошкар-Ола, 2001. С. 157–181; *Мордвинова А. И.* Деятельность Комиссии по изъятию церковных ценностей в 1920-е годы в Чувашии // Художественная культура Чувашии: 20-е годы XX века. Чебоксары, 2005. С. 162–169; и др.

⁴⁰ *Евдокимова А. Н.* Роль Союза воинствующих безбожников в борьбе с православными праздниками в Чувашской Республике в 20–30-е годы // Историческая наука и образование: прошлое, настоящее и будущее: сб. тр. Всерос. науч. конф. Чебоксары, 2019. С. 197–202; *Семенова И. Ю.* Работа общественных организаций Чувашской АССР по укреплению семьи (на материалах Чувашского областного совета Союза воинствующих безбожников) // Исторический поиск. 2020. Т. 1. № 3. С. 53–61; и др.

⁴¹ *Бахмутов С. Б.* Православие в Мордовском крае. Саранск, 2006; *Маланкин А. В.* Русская православная церковь на территории Мордовии в XX – начале XXI века: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2017; *Мошкин Н. Ф.* Религиозные верования мордвы. Саранск, 1998; *Мошкин Н. Ф., Мошкина Е. Н.* Мордва и вера. Саранск, 2005; *Таймасов Л. А.* Христианское просвещение нерусских народов и этноконфессиональные процессы в Среднем Поволжье в последней четверти XVIII – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Чебоксары, 2004; *Его же.* Православное миссионерство в Среднем Поволжье в первой половине XIX века. Чебоксары, 2022; и др.

⁴² *Белкин А. И.* Государственно-церковные отношения в Мордовии в 20 – начале 60-х гг. XX века (на материалах русского православия): дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1995; *Козлов Ф. Н.* Взаимоотношения государства и Русской Православной церкви в 1917 – начале 1940-х гг. (по материалам Чувашии): дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2009; *Его же.* Православие в Чувашском крае: внутрицерковная ситуация в конце 1910-х – 1920-е годы. Чебоксары, 2014; *Попов Н. С.* Православие в приходах Марийского края Казанской епархии в 20-е годы XX века // Марийский археографический вестник. 2002. Вып. 12. С. 80–98; *Его же.* Православие в марийских приходах Вятской епархии в 20-е годы XX столетия // Там же. 2003. Вып. 13. С. 67–85; *Юрченков В. А.* Власть и общество: российская провинция в период социальных катаклизмов 1918–1920 гг. Саранск, 2010; и др.

⁴³ *Востриков В. Г.* Соппротивление богоборчеству в 20-30-е годы XX века в Марийской автономной области // Христианское просвещение и русская культура: материалы IV науч.-богослов. конф. Йошкар-Ола, 2002. С. 33–35; *Касимов Е. В.* Верующие и

политических репрессий Л. А. Ефимовым, Н. М. Морозовой и др. стала тема гонений в отношении православного духовенства и верующих⁴⁴. Закономерным явлением стал интерес к биографическим исследованиям⁴⁵. Выпускается справочно-энциклопедическая литература о приходских и монастырских храмах⁴⁶. История церквей находится в фокусе как академических исследований⁴⁷, так и краеведских⁴⁸. В рамках

советская власть: материалы Чувашского отдела ОГПУ о влиянии религиозного фактора на общественно-политические настроения сельского населения во второй половине 1920-х гг. // Полиэтничность России в контексте исторического дискурса и образовательных практик XIX–XXI вв.: сб. ст. Всерос. науч. конф. Чебоксары, 2010. С. 200–208; и др.

⁴⁴ Белкин А. И., Грыжанкова М. Ю. К вопросу о причинах гонений на Русскую православную церковь в Советской России // Гуманитарные науки и образование. 2018. Т. 9. № 1. С. 136–142; Ерошкин Ю. В. Репрессии против духовенства на территории Марийского края в первые годы советской власти (1918–1924) // Историк и время: проблемы истории и историографии народов России, Поволжья, Марий Эл: материалы науч. конф. Йошкар-Ола, 2009. С. 121–127; Ефимов Л. А. Политические репрессии в Чувашии // Книга памяти жертв политических репрессий (Чувашская Республика): в 2 т. Чебоксары, 2009. Т. 1. С. 6–44; Задкова Т. Ю. Via dolorosa: судьба человека в жерновах репрессий // Центр и периферия. 2018. № 2. С. 63–70; Морозова Н. М. Лишение избирательных прав на территории Мордовии в 1918–1936 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005; Харитонова В. Г. К вопросу о массовых политических репрессиях среди представителей православной церкви (на материалах Чувашской Республики) // Политические репрессии 1930-х – начала 1950-х годов и их последствия для экономики и культуры Российской Федерации и Чувашской Республики. С. 85–95; Ялтаев И. Ф. Борьба с религией в Марийской автономной области в годы коллективизации // Христианизация народов Среднего Поволжья и ее историческое значение: материалы регион. науч. конф. Йошкар-Ола, 2001. С. 129–132; и др.

⁴⁵ Александров Г. А. Чувашские интеллигенты. Биографии и судьбы. Чебоксары, 2006; Басманцев Д. В. Обновленческий архиепископ Тимофей (В. С. Зайков) // Политические преследования и репрессии 1920 – начала 1950-х годов в судьбах интеллигенции Чувашии: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2014. С. 187–191; Димитриев В. Д. М. П. Петров (Тинехпи) – деятель просвещения и культуры, этнограф и историк. Чебоксары, 2003; Ерошкин Ю. В. Из истории Царевококшайской Мироносицкой пустыни: архимандрит Иннокентий (Куледин) // Марийский архивный ежегодник. Йошкар-Ола, 2011. С. 270–274; Никишова Е. В. Священник В.И. Кашин // Краеведческие записки. Саранск, 2005. С. 132–140; Новотрясов Н. И., Богданович Л. А., Богданович С. С. Из опыта духовной жизни митрофорного протоиерея исповедника Михаила Белякова. Саранск, 2009; Сануков К. Н. Историк-просветитель Федор Егоров // Марийский археографический вестник. 1997. Вып. 7. С. 88–100; и др.

⁴⁶ Бахмутов С. Б. Монастыри Мордовии. Саранск, 2000; Браславский Л. Ю. Православные храмы Чувашии. Чебоксары, 1995; Стариков С. В., Левенштейн О. Г. Православные храмы и монастыри Марийского края. Йошкар-Ола, 2001; и др.

⁴⁷ Сысуев Д. А. История прихода Трехсвятской церкви г. Саранска // Центр и периферия. 2019. № 3. С. 28–33; Его же. История прихода Предтеченской церкви г. Саранска // Там же. 2021. № 1. С. 45–53; Шитова Т. В. Сайнинская женская обитель в 1920-е гг. – «ядро разлагающее советскую линию на антирелигиозную тему» // Там же. № 3. С. 47–53; Юрченков В. А. Саровский монастырь: трудные 20-е годы // Саранские епархиальные ведомости. 1993. № 7–9. С. 54–64; и др.

«исторического краеведения» выпускаются работы о «малой родине», описывающие и историю приходской жизни⁴⁹.

На фоне общих тенденций региональная историография отмечается некоторыми особенностями. В Чувашии А. Г. Берманом и Л. Ю. Браславским актуализировано изучение государственно-церковных отношений через призму сектантских движений⁵⁰. Для этого региона характерно и появление историографических обзоров о положении РПЦ в 1920-е гг.⁵¹ В Республике Марий Эл повышенное внимание уделяется анализу значения традиционной религии мари⁵².

В силу специфики подхода обособляется церковная историография. Работы идеологов обновленчества направлены на обоснование смысла существования и оценку собственной деятельности⁵³. Приоритетом «канонических» авторов советского периода было внимание к истории расколов и их последствий⁵⁴. Труды священников-эмигрантов привлекают внимание личностными оценками непосредственных участников внутрицерковной жизни пореволюционного десятилетия⁵⁵. Развитие их взгляды получили в работах духовных писателей, представляющих Русскую православную церковь за границей⁵⁶. В современной церковной историографии вопрос государственно-конфессиональных отношений

⁴⁸ *Бажин В. В.* Из истории Богородицкой церкви села Семеновка // *Марийский архивный ежегодник*. Йошкар-Ола, 2004. С. 134–140; *Ильин И. Н.* К истории церквей и приходов V-го Благочинного округа Чебоксарско-Чувапской епархии. Чебоксары, 2004; *Ксенофонт Г. Н.* Церкви Козловского района. Козловка, 1994; *Таллеров П. П.* Православные храмы Комсомольского района. Чебоксары, 2004; и др.

⁴⁹ *Красная слобода* / В. А. Юрченков и др. Саранск, 2008; *Терентьев А. И.* Чебоксары и чебоксарцы. Чебоксары, 1992; *Шишкин В.* Об Алатыре и алатырцах. Чебоксары, 2006.

⁵⁰ *Берман А. Г.* Политические настроения алатырских сектантов-христоверов в 1917–1940-х гг. // *XX век в истории России. Гражданственность и патриотизм народа в годы великих потрясений и мирного строительства*: сб. ст. Чебоксары, 2016. С. 189–195; *Браславский Л. Ю.* Религиозные и оккультные течения в Чувашии. Чебоксары, 2000; и др.

⁵¹ *Евдокимова А. Н.* Русская православная церковь в Поволжье в 1920-е гг.: обзор региональной литературы // *Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории: материалы LXI конференции преподавателей и студентов ЧГПУ им. И. Я. Яковлева*. Чебоксары, 2021. С. 69–76.

⁵² *Иванов А. Г.* О роли язычества в социально-этнической консолидации марийцев в XVIII – первой половине XIX века // *Межэтнические отношения, национальные проблемы и движение в Среднем Поволжье и Приуралье в XVIII–XX вв.: тезисы и доклады регион. науч. конф.* Чебоксары, 1996. С. 17–19; и др.

⁵³ *Введенский А. И.* Церковь и государство. М., 1923; *Титлинов Б. В.* Новая Церковь. Пг.-М., 1923; *Его же.* Смысл обновленческого движения в истории. Самара, 1926; и др.

⁵⁴ *Патриарх Сергей и его духовное наследство*. М., 1947; и др.

⁵⁵ *Левитин А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. Кюснахт, 1978; *Регельсон Л.* Трагедия русской церкви. 1917–1945. Париж, 1977.

⁵⁶ *Серафим (Роуз)*, иеромонах. Что такое сергианство? // *Санкт-Петербургская и Северо-Российская епархия Православной Российской Церкви / Русской Православной Церкви Заграницей: официальный сайт*. URL: <http://spbprz.ru/ieromonah-serafim-rouz-cto-takoe-sergianstvo/>

рассматривается в контексте общей истории Церкви в советский период⁵⁷, биографий предстоятелей⁵⁸, расколов и иных разделений⁵⁹, репрессивной политики⁶⁰ и др. При этом нередко в научный оборот вводятся материалы из недоступных светским исследователям церковных архивов. Вместе с тем встречаются труды, основанные на категоричном неприятии автором любого инакомыслия⁶¹. На уровне регионов с привлечением светских исследователей реконструируется история епархий, монастырей и храмов⁶². Интересы собственно церковных авторов фокусируются на истории епархий и отдельных учреждений, репрессивной политике и жизнеописаниях новомучеников и исповедников⁶³.

Зарубежные исследователи (европейские и американские советологи, а также русские эмигрантские круги) в основном рассматривают процессы общесоюзного значения. Эмигрантскую литературу первой волны

⁵⁷ Митрофанов Г., прот. История Русской Православной Церкви. 1900–1927. СПб., 2002; Православная энциклопедия. Русская православная церковь. М., 2000. С. 134–178; Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. М., 2010 и др.

⁵⁸ Вострышев М. И. Божий избранник: Крестный путь святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России. М., 1990; Страж Дома Господня. Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский) / авт.-сост. С. Фомин. М., 2003; и др.

⁵⁹ Мазырин А. В., иерей. Внутренние конфликты в Русской Православной Церкви второй половины 1920-х – 1930-х годов (в свете позиции высших иерархов): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005; Его же. Советское обновленчество: церковный феномен или инструмент госбезопасности? // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1–2. С. 226–248; и др.

⁶⁰ Дамаскин (Орловский), игум. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX века: в 7 т. Тверь, 1992–2002; За Христа пострадавшие. Гонения на Русскую Православную Церковь. 1917–1956. М., 1997; и др.

⁶¹ Сысоев Д., свящ. Катакомбный раскол // Аналитический портал «Православный взгляд»: [электронный ресурс]. URL: <https://orthoview.ru/ierej-daniil-sysoev-katakombnyj-raskol/>.

⁶² Ардатовская епархия: от прошлого к настоящему / О. И. Марискин, С. В. Першин [и др.]. Саранск, 2021; Бахмутов С. Б. Монастыри Мордовии. Саранск, 2000; Велено устроить на Олаторе... Алатырский Киево-Николаевский новодевичий монастырь / сост. В. Д. Кочетков. Чебоксары, 2023; Материалы к энциклопедии «Православная Мордовия». Вып. 5. Саранск, 2005; Михайлова М. М. Храм Димитрия Солунского и паратская земля. Йошкар-Ола, 2007; Саранская епархия: 1991–2001. Саранск, 2001; и др.

⁶³ Богданович С. С., Лазарь (Гуркин), еп. Становление и развитие законодательства о лишении избирательных прав и его применение в отношении монашествующих и священно-церковнослужителей (на примере Республики Мордовия) // Саровский летописец: материалы IX истор. конф. Саров–Арзамас, 2011. С. 222–253; Синодик Чебоксарско-Чувашской епархии / сост. иеродиакон Иосиф (Ключников). Чебоксары, 2012; Скала А., прот. Церковь в узах. Ульяновск, 2007; Тарасиков И., свящ. Церковь Рождества Христова в селе Никулино. Алатырь, 2023; Феофан, еп. Волжский и Сернурский. Церковная жизнь Марийского края в довоенный период // Христианское просвещение и русская культура: доклады и сообщения XXI науч.-богослов. конф. Йошкар-Ола, 2018. С. 7–16; и др.

отличает преимущественно публицистический подход⁶⁴. Одно из немногих исключений – показ без эмоционального ажиотажа П. Н. Милюковым государственно-церковных отношений и внутрицерковной жизни в Советской России на фоне истории русской культуры⁶⁵. Труды эмигрантов второго и последующих поколений более взвешены в оценках⁶⁶. Для советологов характерно осмысление феномена «государственного атеизма»⁶⁷, внимание к понятийному аппарату⁶⁸, изучение государственной конфессиональной политики в контексте реперных событий⁶⁹.

Таким образом, анализ историографии показал, что взаимоотношения власти, общества и Церкви в 1917–1943 гг. на материалах Марий Эл, Мордовии и Чувашии не рассматривались в плане их сопоставительной характеристики, несмотря на наличие на региональном уровне отдельных работ о конкретных аспектах этого взаимодействия.

Во втором параграфе «Теоретико-методологические и терминологические аспекты изучения взаимоотношений государства, общества и Церкви» охарактеризованы методологические подходы к изучению темы диссертации.

Автор придерживается мнения, что советская модернизация конца 1910-х – начала 1940-х гг. была противоречивым процессом, включающим несколько одновременных динамичных ракурсов общественно-политического, экономического и социокультурного развития. Теория модернизации позволяет на примере взаимоотношений государства, общества и Русской православной церкви в национальных автономиях Среднего Поволжья проследить в исторической динамике кардинальные изменения институтов политических, экономических и социальных отношений как макро-, так и микроуровня. В том числе одной из ключевых задач стало изменение поведения и ценностных установок широких масс населения. Атеистическое строительство в СССР может и должно изучаться как одно из фактических и радикальных проявлений

⁶⁴ См., напр.: Мельгунов С. П. Красный террор в России. М., 1990; и др.

⁶⁵ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. М., 1994.

⁶⁶ См.: Пospelовский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995.

⁶⁷ Bourdeaux M. Opium of the People: The Christian Religion in the USSR. London, 1965; Ellis J. The Russian Orthodox Church: A Contemporary History. London & Sydney, 1986.

⁶⁸ Бранденбергер Д. История официального понятия «советский народ» // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 4. 180–187.

⁶⁹ Husband W. B. "Godless Communists": Atheism and society in Soviet Russia. 1917–1932. DeKalb: Northern Illinois Univ. Press, 2000; Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина / пер. с англ. М., 2010; Грациози А. Великая крестьянская война в России. Большевики и крестьяне. 1917–1933 / пер. с англ. М., 2001; Майнер С. М. Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика. 1941–1945 / пер. с англ. М., 2000; Малия М. Советская трагедия. История социализма в России. 1917–1991 / пер. с англ. М., 2002; Роккучи А. Сталин и Патриарх: Православная церковь и Советская власть. 1917–1958 / пер. с итал. М., 2016; Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009; Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1917–1991 / пер. с англ. Смоленск, 2000; и др.

секуляризации. При этом под термином «секуляризация» подразумевается и материализованный процесс отторжения в пользу государства принадлежащего религиозным институтам имущества.

В связи с происходившей заменой одних властью преобладающих на других важное значение имела теория элит. Внутри партийно-государственной и церковной структур управления наличествовали различные властные группы, у каждой из которых наряду с общими интересами были собственные, причем в случае РПЦ это провоцировало открытые конфликты, успешно используемые советскими лидерами. Теория социальной мобильности позволила оценить изменения статуса индивида или целой группы в социальной структуре общества. Как грань социальной мобильности необходимо рассматривать «социальное предательство». В фокусе интересующей нас проблематики речь идет о расколе (попытке революционной смены элит) в РПЦ и формировании обновленчества как проводника политики конкурирующей социальной группы. При этом циркуляция элит (замещение одной управляющей группы другой) характерна в рассматриваемый период не только для Церкви в целом, но и для низовых религиозных объединений в частности. Поведенческие реакции людей проявлялись в рамках каждого аспекта государственно-конфессионального взаимодействия. В силу этого актуальной была теория мотивации, объясняющая принципы поведения человека при конкретных исторических обстоятельствах.

Базовыми при выполнении исследования выступили принципы историзма и научной объективности. Широкий спектр поднимаемых вопросов предопределил необходимость обращения к комплексу методов исследования – как общенаучных, так и специальных. Историко-генетический метод позволил охарактеризовать эволюцию государственно-церковных отношений. С помощью историко-правового метода выявлены основные логические закономерности и проведен анализ формировавшейся нормативной базы государственной конфессиональной политики и церковного законодательства как рефлексии на первое. Для восстановления временной очередности исторических событий использовался проблемно-хронологический подход. С помощью историко-типологического метода выделены и упорядочены изучаемые явления на основе общих существенных признаков. Применение историко-сравнительного и логического методов позволило рассмотреть объект исследования по горизонтальной составляющей и провести синхронное изучение в трех самостоятельных административно-территориальных образованиях. Для оценки содержания текстовых массивов использовался контент-анализ. Метод количественного анализа (группировки данных) позволил сформировать необходимую доказательную базу выдвинутых положений и охарактеризовать динамику развития взаимоотношений государства, общества и Церкви в Марийской, Мордовской и Чувашской

автономиях на основе статистических сведений. В отдельных случаях для более детализированной реконструкции событий привлекались описательно-иллюстративный и описательно-повествовательный методы.

В рассматриваемый период развитие государственно-церковных отношений происходило как выраженный конфликт с неприятием противоположной стороны и открытым насилием со стороны административно-управленческой институции. С учетом изложенного были использованы отдельные методы конфликтологии: структурно-функциональный и процессуально-динамический. Применение первого позволило понять структуру государственно-церковного конфликта. Процессуальный анализ предоставил возможность определить основные этапы развития и охарактеризовать динамику конфликта. При помощи методов социальной истории и психологии выделены и проанализированы причинно-следственные связи поведения отдельных социальных групп и конкретных личностей. Для анализа реакции населения ключевыми для нас явились методы теории ментальностей.

В виду определенной специфики темы в данном параграфе были также пояснены содержательные характеристики используемого в исследовании терминологического аппарата и некоторые филологические особенности написания тех или иных терминов.

Применение научных принципов и сочетающихся между собой, взаимодополняющих концептуальных подходов и методов позволяет эффективно решить поставленные задачи исследования.

В *третьем параграфе «Источниковая база исследования»* систематизирован комплекс источников диссертационного исследования. Основу исследования составили документы и материалы 15 федеральных и региональных архивов.

Из структур государственного управления интерес представляли органы, формировавшие конфессиональную политику: ВЦИК, Министерство юстиции РСФСР, Отдел по просвещению нацменьшинств Наркомата просвещения РСФСР и Постоянная центральная комиссия по вопросам культов (ГАРФ. Ф. А-296; Ф. А-353; Ф. Р-1235; Ф. Р-5263). Анализ их материалов способствовал пониманию юридических основ, ключевых направлений и степени гибкости государственной политики. Документы Политбюро ЦК РКП (б) (РГАСПИ. Ф. 17) позволили представить партийную линию в «церковном вопросе». Личным фондам И. В. Сталина и Е. М. Ярославского (РГАСПИ. Ф. 89; Ф. 558) особую ценность придает наличие черновых материалов с авторскими и редакторскими правками. В фонде Центрального совета Союза воинствующих безбожников СССР (ГАРФ. Ф. Р-5407) отложились документы как самого органа, так и редакционные материалы газеты «Безбожник». Пониманию поведения церковных деятелей способствовали документы Канцелярии Патриарха Тихона и Священного Синода, а также

Поместного Собора 1917–1918 гг. (РГИА. Ф. 831; Ф. 833). К настоящему времени значительная часть документов центральных государственных, партийных и церковных органов доступна в виде академических публикаций⁷⁰. Поэтому при всей их важности приоритетными были материалы региональных хранилищ.

В *фондах высших региональных органов управления* аккумулирована основная нормативно-правовая, планово-отчетная, эпистолярная база по практике взаимодействия властных институтов, религиозных объединений и верующих. В зависимости от учета национального аспекта обособляются материалы губернских/краевых (ГАПО. Ф. Р-2; ГАУО. Ф. Р-190; Ф. Р-200; ЦАНО. Ф. Р-2626) и областных/республиканских (ГА РМЭ. Ф. Р-23, Ф. Р-250, Ф. Р-471, Ф. Р-627; ГИА ЧР. Ф. Р-22, Ф. Р-125, Ф. Р-147, Ф. Р-202, Ф. Р-203, Ф. Р-1041 и др.) структур. Для большей конкретизации сведений использовались *делопроизводственные материалы органов местного управления* (ГА РМЭ Ф. Р-9, Ф. Р-35, Ф. Р-39, Ф. Р-110, Ф. Р-111, Ф. Р-220, Ф. Р-275; ГИА ЧР. Ф. Р-7, Ф. Р-122, Ф. Р-194, Ф. Р-238, Ф. Р-243, Ф. Р-339; ЦГА РМ. Ф. Р-19, Ф. Р-37, Ф. Р-55, Ф. Р-58, Ф. Р-62 и др.). Совокупность документов *региональных партийных и комсомольских организаций* (ГА РМЭ. Ф. П-1, Ф. П-104; ГАПО. Ф. П-36; ГАСИ ЧР. Ф. П-1, Ф. П-10, Ф. П-11; ГАРТ. Ф. П-15, Ф. П-868, Ф. П-1223; ЦГА РМ. Ф. 16-П, Ф. 26-П, Ф. 27-П, Ф. 44-П, Ф. 269-П и др.) способствовала пониманию точности следования на местах выработанной Центром стратегической задачи. Из *фондов органов статистики и финансов* (ГИА ЧР. Ф. Р-157; ЦГА РМ. Ф. Р-318) выбрана информация о фискальной политике в отношении религиозных объединений и отдельных духовных лиц. Из *фондов Марийского и Чувашского советов СВБ СССР* (ГА РМЭ. Ф. Р-118; ГИА ЧР. Ф. Р-1754), *научных учреждений и краеведческих обществ* (ГА РМЭ. Ф. Р-189; ГИА ЧР. Ф. Р-1515) почерпнуты сведения об уровне религиозности населения и мерах по улучшению атеистической пропаганды. *Материалы следственного делопроизводства* в государственных архивах (ГА РМЭ. Ф. Р-25, Ф. Р-185, Ф. Р-263, Ф. Р-311, Ф. Р-384; ГИА ЧР. Ф. Р-146, Ф. Р-2669; ЦГА РМ. Ф. Р-458, Ф. Р-787, Ф. Р-789 и др.) и Архиве Комиссии по канонизации святых Йошкар-Олинской и Марийской епархии (документы не фондированы) в совокупности с опубликованными данными позволили проанализировать динамику репрессий.

Документы церковного происхождения образуют отдельную группу. Сведения о составе и масштабах правонарушений из фондов духовных

⁷⁰ Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг.: в 2 кн. М., Новосибирск, 1997; Конфессиональная политика Советского государства. 1917–1991 гг.: док-ты и материалы в 6 т. Т. 1. 1917–1924 гг. Кн. 1 / отв. сост. М. И. Одинцов. М., 2017; Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941: Док-ты и фотоматериалы / сост. О. Ю. Васильева и др. М., 1996; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Док-ты и материалы: в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000; и др.

консисторий и правлений (ГА РМЭ. Ф. 172; ГАУО. Ф. 134; ГАРТ. Ф. 4) были важны для понимания поливариативности восприятия духовенством событий 1917 г. и трансформации государственно-конфессиональных отношений. Из фондов епархиальных советов, монастырей и церквей (ГАУО. Ф. Р-3022; ГАРТ. Ф. Р-1172; ГА РМЭ. Ф. 22, Ф. 56, Ф. 86; ГИА ЧР. Ф. 339, Ф. 557; ЦГА РМ. Ф. 1, Ф. 57 и др.) получены данные об их взаимодействии с государственными инстанциями и изменении приходской жизни.

Документы личного происхождения: священника Д. Ф. Филимонова (ГИА ЧР. Ф. 350), наркома просвещения Казанской губернии А. А. Максимова (ГАРТ. Ф. Р-667), марийского партийного работника А. Д. Кедровой (ГА РМЭ. Ф. Р-1140), заслуженного врача РСФСР А. В. Чубукова (ГИА ЧР. Ф. Р-1860) – позволили взглянуть на события 1910–1920-х гг. глазами как активных участников, так и относительно стороннего лица.

В Научных архивах НИИГН и ЧГИГН изучены рукописи воспоминаний партийно-советских работников, черновые варианты работ по истории атеистического воспитания, фольклорные и этнографические материалы конца XIX – трех первых десятилетий XX в., позволившие определить отношение местного населения к религии и духовенству и изменение бытового уклада жизни граждан.

Второй блок источников исследования составили опубликованные материалы.

Основой для анализа правового поля послужили *нормативные правовые акты*⁷¹. Монопартийность и определение статуса РКП (б) – ВКП (б) как «руководящего ядра» сделали партийные структуры центрами приоритетного принятия решений в сфере конфессиональной политики, а *партийные документы* одним из ключевых источников⁷². Дополняют и конкретизируют их сведения материалы региональных структур РКП (б) – ВКП (б)⁷³. В понимании теоретических основ отношения к «церковному вопросу» важное значение имеют *труды государственных и партийных*

⁷¹ Гидулянов П. В. Отделение церкви от государства в СССР. Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного суда РСФСР и других Советских Социалистических Республик. М., 1926; Декреты Советской власти: в 17 т. М., 1957–2006; Конституция Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1937; Конституция Мордовской АССР. Саранск, 1937; Конституция Чувашской АССР. Чебоксары, 1930; Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. М., 1917–1938; и др.

⁷² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986): в 15 т. (далее – КПСС в резолюциях). М., 1983–1989; и др.

⁷³ Отчет о деятельности Областного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Автономной Чувашской области за время со II по III областной съезд Советов (июль 1921 г. – ноябрь 1922 г.). Чебоксары, 1922; Состояние антирелигиозной работы в Чувашии: Постановление бюро Чувашского ОК ВКП (б) от 18 сентября 1931 г. Чебоксары, 1931; и др.

деятелей⁷⁴. К настоящему времени выпущены *тематические публикации (сборники)*, в прямой или косвенной форме касающиеся интересующей нас проблематики⁷⁵. Весомую роль в осмыслении теоретико-методологических основ организации антирелигиозной работы играла специализированная *учебно-методическая литература*. Для национальных регионов Среднего Поволжья характерно использование подобных материалов как на русском⁷⁶, так и родных языках титульных этносов⁷⁷. Союзные⁷⁸ и региональные⁷⁹ *статистические издания* послужили подспорьем для уточнения фактологических данных количественных значений.

Материалы церковного происхождения составили отдельную группу источников. Богослужебные издания приоритетно рассматривались в плане традиции перевода на языки «инородцев». Особое внимание было уделено марийскому этносу в силу его двоеверия наряду с сохранением влияния традиционной религии⁸⁰. Реконструировать детали приходской

⁷⁴ Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 253–308; В. И. Ленин об атеизме, религии и церкви. М., 1980; Деятели Октября о религии и церкви. М., 1968; Сталин И. В. Беседа с первой американской рабочей делегацией 9 сентября 1927 г. // Сталин И. В. Сочинения: в 13 т. Т. 10. М., 1949. С. 92–148; Ярославский Е. М. Против религии и церкви: в 3 т. М., 1932–1935; и др.

⁷⁵ См., напр., сборники документов и материалов: Из истории образования Марийской автономной области. Йошкар-Ола, 2000; Культурное строительство в Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1983; Культурное строительство в Мордовской АССР. 1917–1941 гг. Саранск, 1986; Мордовия в период упрочения Советской власти и гражданской войны. Саранск, 1959; Общество и власть (1918–1920): в 2 т. Саранск, 2010–2013; Община в аграрной революции. (1918–1922 гг.). Йошкар-Ола, 2005; Октябрьская революция и установление Советской власти в Чувашии. Чебоксары, 1957; Установление Советской власти в Марийском крае. Йошкар-Ола, 1970; Установление Советской власти в Мордовии. Саранск, 1957; и др.

⁷⁶ Абрамов Ф. Как вести антирелигиозную пропаганду среди крестьянок. М., 1931; Антирелигиозный учебник для кружков и самообразования. М., 1938; Румянцев Н. В. Происхождение Пасхи. Из истории церковного календаря. М., 1929; Сборник материалов по антирелигиозной пропаганде. Йошкар-Ола, 1941; и др.

⁷⁷ Амосов Н. Колхозонь стресь ды религиясь [Колхозный строй и религия]. М., 1935; Бодякишин И. Кода появась христианской верась [Как появилась христианская вера]. М., 1926; Косарев А. В. Тёне хирёсле пропаганда тата комсомолан задачисем [Антирелигиозная пропаганда и задачи комсомола]. Чебоксары, 1937; Кутяшов С. С. Тёне хирёс пропаганда тавасси [Методическое письмо об антирелигиозной пропаганде среди чуваш]. М., 1928; Об антирелигиозной работе школы. Йошкар-Ола, 1940; Тематика антирелигиозных лекций на 1941 г. Йошкар-Ола, 1941; и др.

⁷⁸ Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV. Народность и родной язык населения СССР. М., 1928; Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 года. Отдел I. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. Том. IX. РСФСР. М., 1929; и др.

⁷⁹ Мордовский округ Средне-Волжской области. Саранск, 1929; Районы Чувашии в цифрах за 1935 г. Чебоксары, 1936; Статистический справочник на 1926 год. Краснококшайск, 1927; и др.

⁸⁰ Господа нашего Иисуса Христа Святые Евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на черемисском языке. Казань, 1906; Йумын законжы: Беседы на 10 заповедей: На луговом наречии черемисского языка. Казань, 1915; и др.

жизни помогли церковные летописи⁸¹. Правовые акты и труды иерархов канонического Центра дали возможность проанализировать восприятие ими места Православной церкви в новых реалиях⁸². Противоположные оценки получены благодаря сочинениям обновленческих и «истинно православных» авторов⁸³.

Материалы периодической печати отличается жанровое и видовое разнообразие, зависимость редакционной политики от установок учредителя, формирование общественного мнения через эмоциональное восприятие и внимание к «мелочам жизни». С привлечением прозаических, поэтических и драматургических текстов охарактеризовано своеобразие передачи правильного «жизненного опыта» через сюжетные линии⁸⁴. Более того, сами стихотворения, рассказы, повести и т. п. служат зеркалом социального портрета и позволяют понять ментальность общества в момент их создания. Особую группу источников составляет *мемуарная литература* с ее специфически субъективной оценкой событий⁸⁵.

В целом, анализ историографии показал необходимость комплексного изучения взаимоотношений властных институтов, общества и Православной церкви в 1917–1943 гг. в национальных регионах страны, рассматриваемого на примере Марийской, Мордовской и Чувашской автономий с применением современных методологических подходов.

⁸¹ Храм Преображения Господня в с. Кушниково Мариинско-Посадского района Чувашии. Летопись и другие материалы / сост. А. Г. Берман и С. В. Жигулич. Чебоксары, 2021.

⁸² Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / сост. М. Е. Губонин. М., 1994; *Иоанн (Снычев)*, митр. Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия: григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие, их особенности и история. Сортавала, 1993; Русская Православная церковь и Великая Отечественная война: Послания Патриаршего Местоблюстителя Сергия, Митрополита Московского и Коломенского // Наш современник. 2000. № 5. С. 217–222; и др.

⁸³ Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года / сост. А. Мазырин, О. В. Косик. М., 2010; *Введенский А. И.* Церковь и государство (Очерк взаимоотношений церкви и государства в России 1918–1922 г.). М., 1923; *Титлинов Б. В.* Новая церковь. Пг.–М., 1923; и др.

⁸⁴ *Дорофеев З. Ф.* Собр. соч. в 2 т. Т. 1. Саранск, 1964; *Лукин Ф. [и др.]* Пионер йуррисем [Пионерские песни]. Шупашкар, 1935; *Люблин И. В., Кривоносов В. М., Вақанка М.* 25 массăлă юрă [25 массовых песен]. Шупашкар, 1933; *Пет Першут.* Йымыдымын мырыжы [Песня безбожника]. Козьмодемьянск, 1933; *Петрова К. С.* Чопуда вий [Темная сила]. Саранск, 1933; *Сеспель М.* Собр. соч. Чебоксары, 1959; *Чесноков Ф., Васильев Т., Окин Е.* Эрзень пьесат [Эрзянские пьесы]. М., 1924; и др.

⁸⁵ *Алмакаев П. А.* Годы и люди. Йошкар-Ола, 1998; *Дмитриев В. Д.* Записки репрессированного священника. Чебоксары, 2002; *Ефимов И. Е.* В первые годы чувашской автономии. Чебоксары, 1964; За власть Советов. Йошкар-Ола, 1978; Заре навстречу. Саранск, 1968; *Лантев Д. К.* Революцией призванные. Чебоксары, 1969; Незабываемые годы. Саранск, 1967; Они были первыми. Саранск, 1958; *Рублев М. Р.* В годы великих свершений. Чебоксары, 1959; *Феодосий (Алмазов)*, архим. Мои воспоминания (Записки Соловецкого узника). М., 1997; и др.

Концептуально исследование базируется на положениях теорий модернизации, секуляризации, элит, социальной мобильности и социального предательства, ментальности, а также использовании элементов формационного и цивилизационного подходов к истории. По теме диссертации существует большой массив различных источников, комплексное и критическое использование которых способствовало пониманию ключевых основ государственной политики в конфессиональной сфере и ответной реакции со стороны Церкви и населения. При этом важнейшее значение имеют материалы региональных архивов, многие из которых вводятся в научный оборот впервые.

Вторая глава «Становление и развитие антирелигиозной пропаганды в национальных регионах» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «Становление государственного атеизма в 1917–1923 гг.» раскрыт процесс формирования идеологической платформы Советского государства и ее взаимодействия с прежним мировоззренческим базисом. В пореволюционные годы конфликтность выражалась в прямых запретах культовых церемоний, изгнании приходских священников, кампании по вскрытию мощей и т. п. Определенную роль сыграла позиция РПЦ с претенциозностью на первенство и не признание противоречащих церковным нормам государственных законов. Действия духовенства носили ответный характер, но это не снимает с него вины за нагнетание обстановки.

Результативность мер властей зависела от точки приложения усилий. В национальных регионах Среднего Поволжья «Рождественские», «Благовещенские» и другие «церковные» городские улицы переименованы в «Советские», «Большевистские» и т. п. Напротив, неизвестно даже о попытках модернизации похоронного обряда (внедрение кремации). Не дала ожидаемого эффекта и дискредитационная кампания против Церкви путем наглядно-визуализированной агитации (антирелигиозные плакаты и др.) и диалоговых форм работы с аудиторией (диспуты и лекции). Сказалось отсутствие в регионах координирующих структур, слабая подготовка пропагандистов, недоучет особенностей крестьянского менталитета, наличие межнационального антагонизма и др. По всем национальным уездам фиксируется присутствие в рядах РКП (б) «выдававших себя за большевиков» духовных лиц, а многие рядовые члены РКП (б) и РКСМ грешили сохранением икон, посещением церквей и исполнением обрядов.

С рубежа 1910–1920-х гг. власть изменила тактический вектор. Усилился контроль над духовенством и повседневной жизнью коммунистов. Отношение к рядовым гражданам (прежде всего – в деревне) скорректировалось на «осторожную» научно-популярную пропаганду. Составной частью атеистического воспитания стал «красный календарь», дополненный маргинализацией церковных (в Марийском крае – и языческих) праздников переходом страны еще в январе 1918 г. на

григорианское летоисчисление. Фокус-группами были женщины и подростки. Применительно к первым в Марийской и Чувашской АО велась научно-атеистическая пропаганда; среди мордовок акцент сделан на просвещение в виду «низкого культурного уровня». Ограничение влияния РПЦ на подрастающее поколение выразилось в кардинальном реформировании сферы образования. Однако исключение Закона Божьего вызвало предсказуемое сопротивление духовенства, противоречивую реакцию учительства и неожиданно резкое неприятие значительной части населения. Показательно, что динамика мало различалась в русских и национальных волостях. При этом в Марийском крае звучали призывы в противовес Закону Божьему изучать религиозные воззрения мари.

Во *втором параграфе «"Религиозный нэп" и антирелигиозная агитация в национальных автономиях Среднего Поволжья»* рассматривается ее развитие в период относительной либерализации советской конфессиональной политики. Внедрение атеистических установок в сознание граждан оставалось одной из ключевых задач. Создана особая структура («Общество друзей газеты "Безбожник"»), позднее – «Союз безбожников СССР») и ее региональные отделения. С учетом национальной специфики выстраивалась вертикаль подготовки кадров и методическое обеспечение. Особую роль приобрело изобразительное (плакатное) искусство. Наглядные формы агитации были важны на фоне низкой грамотности мари, мордвы и чувашей. Формирование нравственного облика «нового человека» осуществлялось и через «советский» фольклор, где безбожные идеи нередко выражались в агрессивной форме. В качестве инструмента антирелигиозного «воспитания» населения активно используется национальная литература.

Практическая работа выстраивается с упором, как и прежде, на женскую аудиторию и подрастающее поколение. С 1922/1923 гг. в национальных регионах проводятся «антикампании» (комсомольские «рождество» и «пасха») и формируется новая обрядность («красные крестины», «звездины» и т.п.). Обращают на себя внимание особенности финно-угорских регионов. Характерной чертой пропаганды среди мари было невнимание к специфике верований (сохранение традиционных воззрений и их смешение с православием). На территории Мордовии неизвестно о специфике пропаганды с учетом деления народа на субэтноты эрзя и мокша – сказывалось бытовавшее представление об обрусении мордвы. Ситуация 1920-х гг. отличалась противоречивостью. Формы нового быта внедрялись преимущественно в партийно-комсомольской среде и у сочувствующих. При этом усваивалась родильно-свадебная обрядность («имянаречение», «красные комсомольские свадьбы»), но сохранялась прежняя похоронно-поминальная традиция. Наибольшим консерватизмом отличалось сельское население. Сказывалась специфика христианизации: у мари, мордвы и чувашей проникновение

новой веры носило характер внешнего наслоения без погружения в сущность учения. Обычной практикой стал принцип «и вашим, и нашим» (например, отпраздновать «советское» и церковное Рождество). Несоответствие целей и результатов объясняется комплексом факторов: слабой координацией, дефицитом подготовленных кадров, формализмом работы, недооценкой менталитета общества, низким уровнем грамотности населения, антирекламой поведенческих действий самих партийцев.

В *третьем параграфе «"Воинствующее безбожие" конца 1920-х – начала 1940-х гг.»* отражено развитие антирелигиозной пропаганды в период превращения страны из аграрной в индустриальную. Грандиозное переустройство зависело и от лояльности общества. Церковь объявлена единственной легальной «контрреволюционной организацией» с массовым влиянием (к верующим причислялось более 80 % населения), а борьба с нею – классово-политической. Законодательно резко ограничены возможности религиозных объединений. Союз безбожников переименован в Союз воинствующих безбожников (СВБ) СССР. Активизировался выпуск на марийском, мордовских и чувашском языках как переводных, так и оригинальных учебно-методических пособий. Спецификой чувашской прессы становится регулярный антирелигиозный раздел в русскоязычной газете «Красная Чувашия» и выпуск с 1932 г. издания для титульного этноса «Тёне хирёс [Против религии]». На службу безбожной пропаганды ставятся новые средства дистанционной коммуникации (радио). В качестве института методической помощи создаются антирелигиозные музеи и антирелигиозные вузы, однако их эффективность в регионах оказывается невысокой, а в Марийской автономии о них нет даже упоминаний.

Некоторые из акций (реанимация идеи кремации и попытка перехода на «летоисчисление с первого года пролетарской революции») оказались провальными. Модернизация других методов (проведение вместо диспутов с попом «вечеров» с публичной исповедью снявших сан пастырей и «бывших верующих») сделала их более эффективными. Сохранился и институт лекториев, но уже на принципе научности. Их содержание опирается на материалы национальных НИИ, разрабатывавших вопросы атеистического воспитания на основе изучения «сектантско-православного быта». Активно на антицерковной стезе проявляют себя деятели культуры. В устном народном творчестве с начала 1930-х гг. тема колхозного строительства фактически сливается с антицерковной. Важно контрастирующее с общероссийскими тенденциями отсутствие в национальном фольклоре отрицательных представлений о «Боге»: негатив полностью сосредоточен на «попе» и «попадье». В арсенале практических действий одними из важнейших продолжают оставаться антикампании против Рождества и Пасхи, причем Марийская АО и Мордовский округ отличаются вызывающе-хулиганскими действиями комсомольцев.

В целом конечный результат оказался непропорционален усилиям.

Перепись 1937 г. отразила неудовлетворительное для властей статус-кво, показав высокую религиозность населения. Однако прямолинейная интерпретация данных некорректна: вера в основном была бытовой. Важна и возрастная стратификация (межпоколенческий разлом). Реакция властей выразилась в непризнании результатов переписи, очередном изменении конституционных норм, витке репрессий и активизации деятельности СВБ СССР. Однако уже в конце 1930-х гг. региональные власти снова получали сигналы о кризисе атеистической пропаганды. С началом Великой Отечественной войны и занятой РПЦ патриотической позицией вопрос о строительстве «безбожного государства» снят с повестки дня.

Таким образом, Советское государство сразу продемонстрировало стремление к монополизации влияния на духовный мир граждан. Атеистическая пропаганда прошла путь от воинственно-агрессивных нападок первых лет до научной постановки вопроса с аппаратным и методическим обеспечением. В ходе ее развития были апробированы различные методы и формы работы с населением. Власть смогла добиться определенных успехов, но можно говорить о несоответствии поставленных задач, затраченных усилий и достигнутых результатов.

Третья глава «Раскольнические движения как элемент давления Советской власти на Русскую православную церковь» состоит из трех параграфов.

В *первом параграфе «Становление обновленческого движения»* охарактеризовано внутреннее состояние РПЦ накануне Революции 1917 г., показана секуляризация общественного сознания (более выраженная в городской среде и менее – в сельской), определены предпосылки формирования модернизаторского движения. Накануне событий 1917 г. в самой Церкви оказалось немало лиц, заинтересованных в радикальном реформировании ее устройства и государственно-церковных отношений. Поводом для слияния обновленческих групп стала проведенная в 1922 г. кампания по изъятию церковных ценностей. II Всероссийский Поместный (1-й обновленческий) Собор (29 апреля – 9 мая 1923 г.) аннулировал анафематствование советской власти в послании Патриарха от 19 января 1918 г. и заявил о лояльности новому режиму. Этап организационного оформления завершился в августе 1923 г. созданием «Православной Российской церкви». Ее институционализация привела к появлению у партийно-советских лидеров послушного контрагента из церковной среды.

Во *втором параграфе «Внутрицерковная ситуация в 1920-е гг. в Марийском крае, Мордовии и Чувашии»* исследована динамика внутрицерковной жизни в соответствующий хронологический период. Объединяющим фактором служит время появления обновленцев (весна – первая половина лета 1922 г.) и безрезультативность их первых действий. Положение меняется в связи с активностью в «реорганизации» церковной жизни государственных структур. При этом на местах – в отличие от

ситуации в Центре – не фиксируется категоричного неприятия оппонента, и в одном приходе служат священники с полярными взглядами. Сближает регионы изменение статуса церковно-административных единиц, однако внешняя формализация сильно варьируется по содержанию. Спецификой Мордовии было образование в уездах, особенно входивших в Пензенскую епархию (где губернский центр «отпал» в обновленчество) самостоятельных викариатств, что позволило сторонникам Патриарха удержать ситуацию под контролем. Мордовские уезды в 1918–1921 гг. испытали на себе «путятинскую смуту» (раскольнические действия вплоть до создания «Народной церкви» отстраненного от управления Пензенской епархией епископа Владимира (Путяты)) и не характеризуются в последующий период массовым принятием местным духовенством идей новых «модернизаторов» Церкви. В Чувашской и Марийской АО, напротив, одним из знаковых факторов стало образование обновленческих епархий, причем до полного логического завершения процесс доведен только в Чувашии.

В Марийской АО можно говорить о разделении духовенства по линии этнолингвистических групп: неприятие обновленчества причтами горномарийского района и поддержка со стороны священнослужителей луговой стороны. Наиболее остро складывалась ситуация в Чувашской АО, что вызвано высокой долей этнического духовенства (до 35 % от общего числа), при этом бывшего преимущественно на вторых ролях. Накал не спал и с появлением у тихоновцев епископа из титульного этноса. Чувашия демонстрирует примеры крайнего радикализма: образование маргинальных моноэтнического религиозного движения «Православная автокефальная чувашская национальная церковь» и религиозной группы священника Г. К. Бенедиктова в Ядринском уезде с идеями тождества христианства и коммунизма.

В национальных регионах Среднего Поволжья обновленчество не получило широкого признания мирян. Не принимаемое большинством населения и лишенное поддержки властных структур оно быстро утрачивало позиции. С 1926 г. не фиксируется борьбы церковных течений.

В *третьем параграфе «"Новый курс" митрополита Сергия (Страгородского) и его последствия»* изучены события внутрицерковной жизни конца 1920-х – начала 1940-х гг. Поворотным пунктом стала «Декларация» митрополита Сергия (Страгородского) от 16(29) июля 1927 г. об отказе от противостояния с действующей властью. Документ расколол церковный социум. «Оппозиция справа» (одно из используемых понятий, являющееся наряду с «истинно православными» наиболее нейтральным) стала характерной чертой религиозной жизни и в национальных регионах. Объединяет их причина появления и зависимость от центра влияния за пределами автономии, отсутствие попыток консолидации (существование локальных групп) и невозможность точных количественных оценок. Ключевыми отличиями служат вариативность

проникновения, география распространения и степень организованности. География «истинно православных» охватывает всю территорию Марийской и Чувашской АССР. При этом в первом регионе прослеживается различие в отношении со стороны духовенства луговой и горной сторон. В Чувашии известно об оформлении противников «сергианства» в иерархичные структуры («Союз православной церкви» и «краснодраконовцы»). Мордовия характеризуется распространением «истинного православия» только в послевоенный период в результате создания разветвленной сети лагерей и заключения в них духовенства из других частей страны. Внутрицерковные неурядицы неизбежно снижали авторитет и ослабляли влияние духовенства на рядовых граждан, и, как следствие, способствовали распространению добровольного «снятия рясы». Наиболее массовый исход отмечается в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг., что стало еще и следствием усиления административного нажима. Обращает на себя внимание факт некоторого усиления влияния сект, причем новообращенными в регионах Среднего Поволжья главным образом становились верующие и служители культа, не разделявшие лояльности официальной Православной церкви по отношению к государству, т. е. фактически речь идет о своеобразной форме протеста.

Таким образом, сложная динамика внутрицерковных событий конца 1920-х – начала 1940-х гг. в автономиях определяется наследием предыдущего периода и попыткой руководства РПЦ урегулировать взаимоотношения с советской властью путем ряда уступок. Результатом острого внутреннего конфликта стала частичная утрата Церковью общественного доверия.

Четвертая глава «Репрессии как фактор борьбы с инакомыслием: общегосударственные тенденции и региональные особенности» состоит из трех параграфов.

Первый параграф «Репрессивные меры первых лет советской власти в отношении духовенства и верующих» позволяет ознакомиться с основными направлениями и масштабами карательной политики в конце 1910-х – начале 1920-х гг. Спецификой первой волны было уничтожение представителей духовенства без процессуальных формальностей в рамках борьбы с «контрреволюцией». Документально подтверждена гибель не менее 13 священников. Расхождения по месту служения и гибели духовных лиц влияют на количественные оценки в региональном разрезе. По мере упрочения положения представители власти изменяли тактический подход, переходя к законодательному судопроизводству. В динамике это привело к превалированию практики освобождения за «недостатком доказательств». В 1919 г. появились новые формы репрессий (заключение в концлагеря). При этом если вышеописанные меры носили конкретно-личностный характер, то массовыми стали призыв в тыловое ополчение (исключал духовенство из общественной жизни, как правило, на годичный срок) и конституционное поражение священнослужителей и

членов их семей в избирательных правах. Преследованиям за веру подвергались и наиболее активные миряне.

Репрессивная политика начала третьего десятилетия XX в. продолжила ранее намеченную линию. В 1920–1921 гг. отмечен всплеск «расстрельной» составляющей в связи с активно поддержанными сельскими священниками марийских, мордовских и чувашских уездов масштабными крестьянскими выступлениями против политики «военного коммунизма». Факты насилия и гибели представителей духовенства в ходе экспроприации культового имущества в рамках кампании 1922 г. по изъятию церковных ценностей выявлены только на территории «благополучной» (сравнительно с Чувашской и Марийской АО) Мордовии. При этом в последней неизвестно судебного преследования лиц духовного звания за сопротивление изъятию церковных ценностей. В Марийской и Чувашской автономиях имели место аресты и проведение показательных процессов.

Во втором параграфе *«Преследования по религиозным мотивам в 1923–1928 гг.: политика Центра и региональная практика»* характеризуется развитие репрессивной политики в период «религиозного нэпа». Отмечается сокращение числа репрессивных действий в целом и динамики смертных приговоров, а также наличие прекращенных дел. В Чувашии осуждены около 40 священно- и церковнослужителей, не менее 20 и 6 – соответственно в Марийской АО и Мордовии (данные по Чувашии более точны в силу изданного мартиролога). Период явился и временем окончательной ликвидации монастырской жизни. На фоне использования в отношении мирян высылки за пределы региона, принудительных работ и заключения в ИТЛ применительно к белому духовенству практиковалась административная высылка в отдаленные районы страны. Тем самым стремились подавить самого священнослужителя и прервать его связь с паствой. Марийская АО и Чувашская АССР сами стали местом пребывания ссыльного духовенства, при этом сильно различаясь его статусом и количеством. Расширяется категориальный состав пораженных в избирательных правах: члены церковно-приходских советов, старосты храмов, подрядчики по постройке и ремонту церквей и даже сторожа. При этом священнослужителям даже отказ от сана не гарантировал восстановления в избирательных правах. Ликвидация института лишенчества произошла только с принятием Конституции СССР 1936 г.

Одной из активно применявшихся репрессивных форм можно считать ограничение возможности занимать те или иные должности. До отделения школы от Церкви многие представители национальной интеллигенции совмещали священническую и учительскую деятельность. Советская школа отчищалась от священнослужителей и лиц с религиозными взглядами, однако дефицит кадров вынуждал нарушать законодательство. Практически на всех уровнях регионального государственного аппарата вплоть до середины 1920-х гг. представители духовенства встречаются и в

качестве канцелярских служащих. Впрочем, именно им, а также «бывшим» в первую очередь доставалось при проводившихся «чистках» учреждений.

Третий параграф «Основные тенденции карательной политики конца 1920-х – начала 1940-х гг. в национальных автономиях» посвящен анализу репрессивных действий в условиях форсированной модернизации советского общества. Общей чертой в автономиях следует назвать «изъятие» и тихоновского и обновленческого духовенства. Под удар попали и марийские карты (жрецы). Сближает регионы характер преследования по религиозным мотивам: осуждение как индивидуальное, так и «организованных групп» (разгром в Чувашии «Союза православной церкви» и «краснодраконовцев», в Марийской АО – «непоминающих», в Мордовии – повышенный «интерес» к бывшим монахиням). Спектр репрессивных действий расширен за счет осуждения к принудительным работам, заключения в ИТЛ в пределах автономий (нередко с конфискацией имущества). Системой штрафов (например, на хозяев квартир) вокруг священнослужителей создается «зона отчуждения».

Репрессии достигли апогея к концу 1930-х гг. Расширение масштабов сопровождалось нарушением законности (создание внесудебных «двоек» и «троек»). Отличительные черты данного периода – короткие сроки следствия и массовость повторных арестов священников и мирян. Наибольшее распространение получило осуждение к различным срокам заключения. При этом Мордовия превратилась в одну из крупнейших «зон», куда этапировались осужденные и из Чувашии и Марийской АО. Вопрос о числе репрессированных священнослужителей и мирян остается открытым. В годы предвоенных гонений в Марий Эл и Чувашии пострадали соответственно более 700 и 860 человек, в Мордовии даже официальные данные варьируются от 651 до 742 пострадавших.

Таким образом, весь период 1917–1943 гг. имело место массовое и индивидуальное преследование представителей православного клира и верующих. Террор носил волнообразный характер, пиковые точки приходились на трудные в общественно-политическом или социально-экономическом плане моменты, когда власть собственные ошибки и просчеты пыталась скрыть обвинением в происках «внутреннего врага».

Пятая глава «Секуляризационные действия в отношении Церкви» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе *«Поземельно-имущественные отношения органов управления и Православной церкви в первые пореволюционные годы»* рассматривается начальный период секуляризационной политики советской власти в отношении духовенства. В рамках реализации Декрета о земле в конце 1917 – начале 1918 гг. конфисковано недвижимое имущество монастырей. Некоторым монастырям Мордовии и Чувашии удалось скооперироваться в трудовые артели. Монастырские общины и священнослужители облагались чрезвычайным революционным налогом,

причем более высоким, чем на представителей иных сословий. В существовавших хозяйствах регулярно проводились реквизиции имущества, на них накладывались и обязанности прямых поставок продуктов питания в советские учреждения. Отмечались случаи изъятия причтовой земли и иной недвижимости. Усиление финансового прессинга происходило на фоне полного лишения священнических семей и нанимавшихся в храмы работников государственной социальной поддержки. К 1920 г. у подавляющего большинства «батюшек» источником регулярного дохода оставалось только выделяемое приходом вознаграждение за службу.

Положение Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» о лишении церковной организации статуса юридического лица потребовало новых форм регистрации многочисленных общин верующих. Правовая база сложилась в начале 1920-х гг., а процесс регистрации растянулся до середины 1920-х гг. Введение светской метрикации стало одним из ключевых элементов секуляризационной политики. Однако в силу организационных неурядиц даже в 1920 г. структуры ЗАГС не действовали на уровне целых уездов (Краснослободского и Рузаевского). В национальных регионах четко дифференцируется реакция городского (не оказало сильного сопротивления изъятию метрик) и сельского социума. Здесь давали о себе знать различная степень воцерковления и секуляризации сознания и этническое разделение (городское сообщество в подавляющем было русским и обрусевшим, динамика в пользу титульных этносов меняется только с образованием национальных автономий).

Второй параграф «Региональная специфика финансово-экономических отношений государства, общества и Церкви в 1920-е гг.» раскрывает особенности экономической стороны государственно-церковных отношений в период 1920-х гг.

Катастрофичное начало 1920-х гг., когда страна оказалась во власти «Царя-голода» (из рассматриваемых регионов наиболее трагично ситуация сложилась в Марийской и Чувашской АО), было использовано властями для осуществления кампании по изъятию церковных ценностей. Регионы различаются в количественных параметрах (в Мордовии общий вес с учетом экспроприированного в монастырях существенно превысил цифры по Чувашии и Марийской АО), но не в практических действиях и конечном результате. Часть вырученных средств пошла на продовольствие для голодающих районов, но в целом – на удовлетворение финансовых запросов государства-партии. Характерна реакция на просьбы верующих о замене богослужебных предметов пропорциональными по весу изделиями из драгоценных металлов, денежным эквивалентом или продовольствием: если первые два варианта в порядке исключения допускались (и по марийским, мордовским и чувашским уездам известны единичные случаи), то вопрос о сдаче хлеба и других продуктов встречал категоричный отказ.

Период с 1923/1924 г. в национальных регионах характеризуется двумя противоположными чертами. На фоне внутрицерковных конфликтов граждане с *большим* безразличием относятся к духовенству, игнорируя «оскверненные» храмы. При этом отмечается их недовольство закрытием храмов, причем речь идет не о выступлениях приходского актива, а о более широкой реакции. Граждан не устраивали новые «хозяева» помещений, манипуляции местных властей при закрытии культовых объектов (инфильтрация на приходские собрания профсоюзного или партийного актива) и самочинные прекращения служб. Показательной и даже ключевой чертой «религиозного нэпа» следует назвать обращения верующих Марийской и Чувашской автономий об открытии новых культовых объектов и их одобрение органами управления. Важна и готовность населения нести повинности в пользу причтов в ущерб государственному. Все отмеченные факты относятся к сельской местности.

С середины 1920-х гг. активизировалась ликвидация культовых объектов по техническим причинам. Об активности верующих и степени успешности усилий говорит результат: подавляющее большинство храмов снова открыты. Это объясняет все больший крен органов управления к экономическим методам и практике запретов по санитарным показаниям. Богослужебное имущество передавалось в действующие церкви, обиходное – советским учреждениям либо выставлялось на торги. Особым было отношение к иконам: массовый характер их утилизация в национальных регионах приобрела в 1930-е гг., но активное уничтожение отмечается уже со второй половины 1920-х гг. Ухудшалось и положение духовенства. На него удар обрушивался опосредованно ограничительными и секуляризационными действиями властей в отношении общин верующих, а также как прямой нажим на причты. Это привело к активизации поиска духовенством альтернативных источников дохода (растет интерес к занятию сельским хозяйством). Особенностью Мордовии и Чувашии стали факты организации председателями сельсоветов продуктовой и финансовой помощи священнослужителям.

В *третьем параграфе «РПЦ в условиях форсированной модернизации советского общества (конец 1920-х – начало 1940-х гг.): опыт республик Среднего Поволжья»* изучена секуляризационная политика в рамках ускоренного «социалистического строительства». Закрытие храма и раскулачивание «попа» стало символом коллективизации. «Инициатива снизу» (добровольное прекращение служб по решению верующих) не дала высоких результатов. Поэтому с начала 1930 г. акцент сделан на административные меры. К марту 1930 г. в национальных республиках Среднего Поволжья в разряде действующих осталось менее половины храмов, а в Чувашии – 16 из 284. Следствием стал поток жалоб, игнорирование крестьянами предвыборных кампаний и срыв выборов в местные Советы. Нарастало сопротивление в активной форме. При этом

локализация протестных действий в Чувашской АССР и Марийской АО в пределах, как правило, населенного пункта контрастирует с широким охватом в Мордовии на целые районы под влиянием «сыре тейтерть» (монашествовавших на дому «старых дев», «христовых невест»). Закрытие храмов в городах не отмечено острой фазой реакции со стороны прихожан.

К весне 1930 г. ситуация достигла критического порога, и партийно-советское руководство отступило. Начало 1930-х гг. стало последним пиком прямого административного нажима. В дальнейшем ставка делается на ненасильственные методы (налоговый прессинг, завышенные требования к ремонту и др.). Каждый закрытый культовый объект помогал государству решить приземленную проблему – получение площадей под размещение различных советских организаций, учреждений и предприятий. Часть церквей (прежде всего, городских) шла под снос. При этом государство в очередной раз использовало церковное имущество (прежде всего, колокола) для значительных вливаний в бюджет и удовлетворения промышленных потребностей.

Тяжелые последствия начального периода Великой Отечественной войны не изменили общей динамики событий. К началу 1943 г. в Чувашской АССР осталось 6 функционирующих приходов, в Мордовской и Марийской – ни одного «по-настоящему» действующего (некоторые храмы официально не закрыты, но службы не проводились, вероятно, из-за вакантности священнического места). В конце 1942 – начале 1943 гг. под влиянием внешне- и внутривнутриполитических обстоятельств власть пошла на определенный компромисс. В 1942–1944 гг. в столицах автономий открылось по одному храму. Возобновились богослужения, по крайней мере, в пяти сельских церквях Чувашии, четырех на территории Марийской АССР и трех в Мордовии.

Таким образом, политика советского режима ориентировалась на максимальное ограничение материальных возможностей РПЦ и ее служителей. Для борьбы с Церковью власть использовала любой представившийся шанс, даже такое трагическое бедствие как голод 1921–1922 гг. Результатом стало существенное сужение финансовой базы Церкви и духовенства. Великая Отечественная война стала рубежом, в силу объективных и субъективных обстоятельств определившим пересмотр государственной конфессиональной политики.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В **Заключении** сделаны выводы, отраженные в выносимых на защиту положениях. Советская модернизация конца 1910-х – начала 1940-х гг. представляла противоречивый процесс нескольких одновременных динамичных ракурсов общественно-политического, экономического и социокультурного развития.

Одной из ключевых задач новых властей стало изменение ценностных установок широких масс населения, из чего вытекала огромная роль идеологии. Под ударом, прежде всего, оказалась Русская православная церковь в силу прежнего особого статуса государственной религии. Анализ ситуации в Марийской, Мордовской и Чувашской автономиях свидетельствует о выстраивании атеистической пропаганды в соответствии с директивными указаниями Центра, наступлении по широкому фронту, методологической вариативности и радикализме форм воздействия на массы. Однако у населения (прежде всего – крестьянского социума) сохранялась высокая степень воцерковленности. Во многом это объясняется формализованным подходом, превалированием планово-отчетных показателей и недоучетом специфики конфессионального развития мари, мордвы и чувашей. Несмотря на бравурные заявления и отчеты, построить «безбожное» общество не удалось, хотя имело место сокращение числа верующих, что особенно заметно по половозрастной структуре.

Более удачным для государства было ослабление позиций Церкви за счет ее собственных неустроений. Возникшее в начале 1920-х гг. при участии партийно-советских структур обновленчество проявило себя и на территории Мордовии, и Марийской, и Чувашской автономий. Развитие ситуации в регионах характеризуется схожими и специфическими чертами, продиктованными как этноконфессиональным развитием в предшествующие периоды, так и степенью радикализации духовенства и его национальным составом. В конце 1920-х гг. РПЦ потряс другой кризис. «Декларация» митрополита Сергия (Страгородского) об отказе от противостояния с советской властью спровоцировала появление «оппозиции справа». Отмечается четкая дифференциация: если для Марийской АО и Чувашской АССР ее появление соотносится со временем возникновения, то распространение «истинного православия» в Мордовии происходит в послевоенный период и объясняется созданием здесь разветвленной сети лагерей, куда помещались и осужденные священнослужители. Результатом внутренних конфликтов стала частичная утрата Русским православием общественного доверия, обращение части населения к сектантству и отход от Церкви не только рядовых верующих, но и духовных лиц. Многочисленные факты «снятия рясы» можно расценивать как локальную победу правящего режима.

Карательная машина в отношении духовенства и активных верующих заработала уже с момента прихода большевиков к власти. Политика подавления имела два четко выраженных вектора: низведение социального статуса конкурента до уровня «бывших людей» и физическое устранение. Реализация первого была связана с лишением лиц духовного звания (даже отказавшихся от сана) и членов их семей избирательных прав, введением ограничений на занятие определенными видами деятельности, фискальным прессингом и привлечением к трудовой повинности. Физическое устранение предполагало, во-первых, временное изъятие

духовенства и мирян путем их осуждения к различным срокам заключения и, во-вторых, «ликвидацию» (расстрел и т. д.). В целом система физического подавления инакомыслящих в рассматриваемых нами регионах, находясь в прямой зависимости от решений и директив Центра, имела схожие черты. Отличия в Марийской, Мордовской и Чувашской автономиях наблюдались не в «качестве», а в «количестве». Точное число репрессированных за веру до настоящего времени не установлено.

Максимальных результатов власти достигли в части подрыва материального положения Церкви. Лидеры государства умело сыграли на психологии ожидания, удовлетворив насущную потребность крестьянина в земле. После тяжелого удара по РПЦ в ходе кампании по изъятию церковных ценностей накал снизился, и одной из характеристик периода «религиозного нэпа» служит удовлетворение административными органами Марийской и Чувашской автономий ходатайств населения об открытии нового храма. Либеральная линия прервалась в конце 1920-х гг. В период форсированной модернизации советского общества сочетание фискальных и административных мер привело к оформлению полной зависимости священнослужителя от религиозной общины и резкому сокращению числа действующих культовых объектов. За счет закрытых культовых комплексов и их имущества решались вопросы пополнения различных государственных фондов и обеспечения советских учреждений помещениями и обиходной утварью. Великая Отечественная война стала рубежом, в очередной раз определившим пересмотр государственной конфессиональной политики в сторону либерализации.

В целом, анализ взаимоотношений власти, общества и Церкви в 1917–1943 гг. по материалам Марийской, Мордовской и Чувашской автономий свидетельствует о конфронтации Советского государства и Русской православной церкви как двух мировоззренческих систем, однако противостояние в разные моменты имело вариативную степень накала. Сказывалось множество факторов: позиция конкретного властного (государственного или церковного) лидера, экономическое состояние в стране и международное влияние. Причем нельзя говорить и о внутренней однородности: ни власть, ни Церковь не могут быть названы монолитными в позиционировании по отношению к конкуренту. Реакция населения на действия государства и ответные меры Церкви была поливариативной и зависела от национальной, социальной, половозрастной, территориальной (городское или сельское) принадлежности и специфики христианизации (воцерковленность или двоеверие).

Основываясь на материалах проведенного исследования, был выработан ряд научно-теоретических и практических рекомендаций для государственных, общественных и конфессиональных структур.

Список работ, опубликованных автором по теме диссертации:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, определенных ВАК при Минобрнауки России

1. Козлов, Ф. Н. «Прошу принять на регистрацию...» Из истории церковного раскола в Чувашии. 1924–1931 гг. / Ф. Н. Козлов // Исторический архив. – 2008. – № 6. – С. 50–59 (0,5 п.л.).
2. Козлов, Ф. Н. Роль и место репрессий в антирелигиозной политике государства в 1917 – начале 1920-х гг. (по материалам архивов Чувашской Республики) / Ф. Н. Козлов // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2009. – № 2 (26). – С. 149–151 (0,4 п.л.).
3. Козлов, Ф. Н. «Непримиримо враждуют тихоновцы и обновленцы». Документы архивов Чувашской Республики о религиозной ситуации в 1920-х гг. / Ф. Н. Козлов // Отечественные архивы. – 2009. – № 4. – С. 113–126 (0,9 п.л.).
4. Козлов, Ф. Н. Информационный потенциал государственных архивов Чувашии (на примере изучения государственно-церковных отношений в 1917–1941 гг.) / Ф. Н. Козлов // Вестник архивиста. – 2011. – № 2. – С. 108–116 (0,5 п.л.).
5. Козлов, Ф. Н. Отделение школы от церкви в Чувашском крае (1918–1919 годы): итоги и последствия / Ф. Н. Козлов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 9 (224). – С. 44–51 (0,8 п.л.).
6. Козлов, Ф. Н. Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»: организационно-пропагандистская работа и общественная реакция (по материалам Чувашии и Марий Эл) / Ф. Н. Козлов // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2012. – Т. 21. – № 1. – С. 68–80 (1,0 п.л.).
7. Козлов, Ф. Н. Отделение церкви от государства: реализация декрета СНК РСФСР от 23 января 1918 г. в Марийском, Мордовском и Чувашском краях / Ф. Н. Козлов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 8-2 (22). – С. 92–101 (1,2 п.л.).
8. Козлов, Ф. Н. Власть и верующие: материалы Чувашского и Марийского отделов ОГПУ о религиозной ситуации в автономиях в середине 1920-х гг. / Ф. Н. Козлов // Вестник архивиста. – 2013. – № 2. – С. 89–104 (0,9 п.л.).
9. Козлов, Ф. Н. Сводки Чувашского и Марийского отделов ОГПУ как информационный источник о религиозной ситуации в 1924–1928 гг. / Ф. Н. Козлов // Отечественные архивы. – 2013. – № 4. – С. 73–80 (0,6 п.л.).
10. Козлов, Ф. Н. Становление и организационное оформление обновленческого движения в Русской православной церкви / Ф. Н. Козлов // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2013. – Т. 27. – № 3. – С. 90–104 (1,0 п.л.).
11. Козлов, Ф. Н. Роль политических репрессий 1918–1930-х гг. в изменении социальной структуры общества (в контексте государственно-церковных отношений в Мордовии, Чувашии и Марий Эл) / Ф. Н. Козлов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 12-3 (38). – С. 93–101 (1,3 п.л.).
12. Козлов, Ф. Н. «Женский вопрос» как элемент социальной политики советского государства в 1920-е – первой половине 1930-х гг. (в контексте

государственно-церковных отношений в национальных регионах Среднего Поволжья) / Ф. Н. Козлов // Вестник Чувашского университета. – 2013. – № 4. – С. 29–37 (0,6 п.л.).

13. Козлов, Ф. Н. Межнациональный конфликт и личностные амбиции как причинный фактор церковных расколов 1920-х годов / Ф. Н. Козлов // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – 2014. – № 2-2(41). – С. 349–355 (0,5 п.л.).

14. Козлов, Ф. Н. Закрытие церквей как элемент государственной антирелигиозной политики в конце 1920-х – начале 1930-х годов (по материалам национальных республик Среднего Поволжья) / Ф. Н. Козлов // Вестник Чувашского университета. – 2014. – № 1. – С. 26–34 (0,6 п.л.).

15. Козлов, Ф. Н. Антирелигиозные материалы на страницах региональной национальной печати первой половины 1920-х гг. как элемент социальной дискредитации священнослужителей (на примере газеты «Чувашский край») / Ф. Н. Козлов // Вестник Чувашского университета. – 2014. – № 3. – С. 23–29 (0,5 п.л.).

16. Козлов, Ф. Н. «Верно, есть за мной один маленький грешок: я с 1913 года по 1917 год был служителем культа...» / Ф. Н. Козлов // Вестник архивиста. – 2016. – № 2. – С. 230–248 (1,1 п.л.).

17. Козлов, Ф. Н. Многоликий «Янус» Василий Краснов / Ф. Н. Козлов // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2017. – № 3–4. – С. 142–155 (1,2 п.л.).

18. Козлов, Ф. Н. Экономическое положение православного духовенства в период Временного правительства (на материалах национальных регионов Среднего Поволжья) / Ф. Н. Козлов // Экономическая история. – 2019. – Т. 15. – № 1 (44). – С. 72–81 (0,9 п.л.).

19. Козлов, Ф. Н. «Снять колокола!...»: заготовка колокольного «цветмета» в СССР в конце 1920-х – 1930-е гг. (на примере Чувашской АССР) / Ф. Н. Козлов // Экономическая история. – 2024. – Т. 20. – № 3 (66). – С. 259–267 (0,5 п.л.).

20. Козлов, Ф. Н. Секуляризационная политика в отношении монастырей как фактор экономического ослабления РПЦ в первые годы советской власти (на материалах Среднего Поволжья) / Ф. Н. Козлов // Экономическая история. – 2025. – Т. 21. – № 1 (68). – С. 76–86 (0,7 п.л.).

21. Козлов, Ф. Н. Яков и Николай Галаховы: государственная конфессиональная политика 1920–1930-х гг. в преломлении личности / Ф. Н. Козлов // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2025. – Т. 17. – № 1 (73). – С. 100–110 (0,5 п.л.).

22. Козлов, Ф. Н. «Чувашское Бутово»: штрихи к истории Алатырской ИТК № 1 / Ф. Н. Козлов // КЛИО. – 2025. – № 8. – С. 155–161 (0,5 п.л.).

23. Козлов, Ф. Н. «Краснодраконовцы»: к вопросу об идентификации религиозного движения / Ф. Н. Козлов // Вестник Чувашского университета. – 2025. – № 3. – С. 37–46 (0,6 п.л.).

Монографии

24. Козлов, Ф. Н. Голод 1921–1922 годов и изъятие церковных ценностей в Чувашии / Ф. Н. Козлов. – Чебоксары: Новое время, 2011. – 176 с. (11,0 п.л.).

25. Козлов, Ф. Н. Православие в Чувашском крае: внутрицерковная ситуация в конце 1910-х – 1920-е годы / Ф. Н. Козлов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. – 239 с. (15,0 п.л.).

26. Козлов, Ф. Н. Отделение Церкви от государства и школы от Церкви (по материалам Марийского края, Мордовии и Чувашии) / Ф. Н. Козлов. – Чебоксары: Новое Время, 2015. – 252 с. (15,7 п.л.).

27. Козлов, Ф. Н. Государственно-церковные отношения в 1917 – начале 1940-х гг. в национальных регионах СССР (на примере республик Марий Эл, Мордовия и Чувашия) / Ф. Н. Козлов. – М.: РОССПЭН, 2017. – 335 с. (20,0 п.л.).

28. Козлов, Ф. Н. Братья Турхан: личности и время / Ф. Н. Козлов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. – 223 с. (13,5 п.л.).

29. Козлов, Ф. Н. Церковь в годы гонений / Ф. Н. Козлов, О. И. Марискин // Ардатовская епархия: от прошлого к настоящему / О. И. Марискин, А. И. Белкин, Э. П. Кириллов, З. И. Киушкина, Ф. Н. Козлов, В. Д. Кочетков, А. В. Маланкин, В. Б. Махаев, С. В. Першин, Т. А. Першина, М. И. Святкин, Т. В. Шитова. – Саранск: Издатель Константин Кашкарин, 2021. – 408 с. (25,5 п.л. / 2,0 п.л.).

30. Козлов, Ф. Н. Храм села Акулево и его приход: очерки на фоне советской эпохи (1920–1940-е гг.) / Ф. Н. Козлов. – Чебоксары: Новое время, 2024. – 176 с. (11,0 п.л.).

Сборник документов и материалов

31. Обновленчество в Чувашии: история церковного раскола по документам Государственного исторического архива Чувашской Республики / сост. Ф. Н. Козлов. – Чебоксары: ГИА ЧР, 2016. – 476 с. (29,5 п.л.).

Статьи, опубликованные в других научных изданиях

32. Козлов, Ф. Н. Проблемы реализации в Чувашии Декрета СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» / Ф. Н. Козлов // Историк и время: проблемы истории и историографии народов России, Поволжья, Марий Эл: Материалы науч. конф., посвящ. 85-летию со дня рождения проф. В. Ф. Пашукова (Йошкар-Ола, 21 марта 2008 г.). – Йошкар-Ола: МарГУ, 2009. – С. 132–140 (0,5 п.л.).

33. Козлов, Ф. Н. «...верующие начинают приходить в недоумение». Религиозная ситуация в Чувашии в 1920-е гг. / Ф. Н. Козлов // Центр и периферия. – 2009. – № 1. – С. 95–99 (0,25 п.л.).

34. Козлов, Ф. Н. Отношение чувашского крестьянства к реализации декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (в аспекте изъятия религиозных атрибутов из советских учреждений) / Ф. Н. Козлов // Центр и периферия. – 2009. – № 3. – С. 97–101 (0,25 п.л.).

35. Козлов, Ф. Н. Национализация и проблема обеспечения сохранности документов Церкви (по материалам Чувашии) / Ф. Н. Козлов // Архивы и наука: опыт взаимодействия. Материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. Дню архивов (Чебоксары, 10 марта 2010 г.). – Чебоксары: ЧГИГН, 2010. – С. 79–89 (0,6 п.л.).

36. Козлов, Ф. Н. «Изъять колокола со всех церквей...» Русская Православная церковь в условиях форсированной модернизации советского общества / Ф. Н. Козлов // Центр и периферия. – 2010. – № 1. – С. 73–80 (0,65 п.л.).

37. Козлов, Ф. Н. Деятельность Чувашского Совета Союза воинствующих безбожников (1920-1930) / Ф. Н. Козлов // Культурные традиции в условиях трансформации общества: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 130-летию со дня рождения Н.В. Никольского (Чебоксары, 20 мая 2008 г.). – Чебоксары:

ЧГИГН, 2011. – С. 196–202 (0,5 п.л.).

38. Козлов, Ф. Н. Отделение школы от церкви: проблемы реализации декрета СНК РСФСР от 23 января 1918 г. в национальных регионах Среднего Поволжья / Ф. Н. Козлов // Христианское просвещение и русская культура: Материалы XIV науч.-богослов. конф. (Йошкар-Ола, 16–17 мая 2011 г.). – Йошкар-Ола: Йошкар-Олинская и Марийская епархия, 2011. – С. 32–43 (0,7 п.л.).

39. Козлов, Ф. Н. Крестьянские реакции на введение гражданской метрикации (по материалам Марий Эл, Мордовии и Чувашии / Ф. Н. Козлов // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века: сб. ст. III междунар. науч.-практ. конф. (Коломна, 5–7 октября 2011 г.). – Коломна: Москов. обл. гос. пед. ин-т, 2011. – С. 201–207 (0,3 п.л.).

40. Козлов, Ф. Н. Атеистическая составляющая национальных культур в 1920–1930-х гг. / Ф. Н. Козлов // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2012. – № 1/2. – С. 72–76 (0,5 п.л.).

41. Козлов, Ф. Н. Православная автокефальная чувашская национальная церковь: из истории церковного раскола в Чувашии в 1920-е годы / Ф. Н. Козлов // Исторический вестник. Научно-документальный журнал Государственного исторического архива Чувашской Республики. – 2012. – № 1. – С. 70–84 (1,1 п.л.).

42. Козлов, Ф. Н. История глазами краеведов-любителей: об особенностях отражения государственно-церковных отношений в работах непрофессиональных исследователей (по изданиям республик Марий Эл и Чувашия) / Ф. Н. Козлов // Христианское просвещение и русская культура: Материалы XV науч.-богослов. конф. (Йошкар-Ола, 16 мая 2012 г.). – Йошкар-Ола: Йошкар-Олинская и Марийская епархия, 2012. – С. 63–72 (0,5 п.л.).

43. Козлов, Ф. Н. Роль средств массовой информации как фактора антирелигиозной агитации и пропаганды в 1917–1930-е гг. / Ф. Н. Козлов // Центр и периферия. – 2012. – № 3. – С. 48–54 (0,7 п.л.).

44. Козлов, Ф. Н. Экономический аспект государственно-церковных отношений в советский период / Ф. Н. Козлов // Экономическая история. – 2012. – № 3. – С. 37–45 (0,8 п.л.).

45. Козлов, Ф. Н. Монастырские фонды как источник по истории Русской православной церкви в первые годы советской власти (по материалам государственных архивов Марий Эл и Чувашии) / Ф. Н. Козлов // Роль архивов в сохранении историко-культурного наследия народа: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. (Йошкар-Ола, 25 сентября 2012 г.). – Йошкар-Ола: Комитет Республики Марий Эл по делам архивов, 2012. – С. 28–35 (0,5 п.л.).

46. Козлов, Ф. Н. Менталитет и новый быт волжских народов: 1920-е годы / Ф. Н. Козлов // Менталитет и этнокультурное развитие волжских народов: история и современность: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 8–9 ноября 2012 г.). – Чебоксары: ЧГИГН, 2012. – С. 162–168 (0,5 п.л.).

47. Козлов, Ф. Н. Комсомол и его роль в становлении и развитии антирелигиозного движения в первое десятилетие советской власти (на материалах Мордовии, Марий Эл и Чувашии) // Youth World Politic. – 2013. – № 1. – С. 96–107 (0,9 п.л.).

48. Козлов, Ф. Н. Отказ от сана как способ социальной адаптации священнослужителей / Ф. Н. Козлов // Исторический вестник. Научно-документальный журнал Государственного исторического архива Чувашской Республики. – 2013. – № 1. – С. 62–76 (1,1 п.л.).

49. Козлов, Ф. Н. «Декларация» 1927 г. митрополита Сергия

(Страгородского) и трансформация церковного социума в конце 1920 – начале 1930-х гг. (по материалам Чувашской и Марийской автономий) / Ф. Н. Козлов // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2013. – № 3/4. – С. 77–83 (0,5 п.л.).

50. Козлов, Ф. Н. Внутрицерковная ситуация в 1920-е годы (по материалам Чувашии и Марий Эл) / Ф. Н. Козлов // Марийский архивный ежегодник – 2013. – Йошкар-Ола: Комитет Республики Марий Эл по делам архивов, 2013. – С. 233–243 (0,9 п.л.).

51. Козлов, Ф. Н. Портретная галерея обновленчества: Виктор Зайков – «страдатель за народ» или карьерист? / Ф. Н. Козлов // Исторический вестник. Научно-документальный журнал Государственного исторического архива Чувашской Республики. – 2014. – № 1. – С. 65–78 (1,1 п.л.).

52. Козлов, Ф. Н. Закрытие православных храмов в 1930-е годы (по материалам Марий Эл, Мордовии и Чувашии) / Ф. Н. Козлов // Марийский архивный ежегодник – 2014. – Йошкар-Ола: Комитет Республики Марий Эл по делам архивов, 2014. – С. 240–251 (1,2 п.л.).

53. Козлов, Ф. Н. Антирелигиозное воспитание подрастающего поколения в 1920-е – первой половине 1930-х гг. (на материалах Чувашской автономии) / Ф. Н. Козлов // Межнациональные и межконфессиональные отношения: историческая ретроспектива и современность: сб. ст. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2014. – С. 198–204 (0,4 п.л.).

54. Козлов, Ф. Н. Молодежные реакции на инновационный концепт советского безбожия: историко-психологический аспект / Ф. Н. Козлов // Politbook. – 2014. – № 3. – С. 68–79 (0,6 п.л.).

55. Козлов, Ф. Н. Декрет «О свободе совести...» или «Об отделении церкви...» (1918 г.) / Ф. Н. Козлов // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2015. – № 3/4. – С. 174–187 (0,8 п.л.).

56. Козлов, Ф. Н. Особенности государственно-церковных взаимоотношений в период «религиозного нэпа» (по материалам Марий Эл, Мордовии и Чувашии) / Ф. Н. Козлов // Марийский архивный ежегодник – 2015. – Йошкар-Ола: Комитет Республики Марий Эл по делам архивов, 2015. – С. 227–239 (0,8 п.л.).

57. Козлов, Ф. Н. Воспоминания комсомольцев об антирелигиозной работе (анализ материалов опубликованных сборников) / Ф. Н. Козлов // Youth World Politic. – 2015. – № 4. – С. 25–34 (0,8 п.л.).

58. Козлов, Ф. Н. О создании в 1920-е годы административно-территориальных единиц Русской православной церкви на территории Марий Эл и Чувашии / Ф. Н. Козлов // Марийский архивный ежегодник – 2016. – Йошкар-Ола: Комитет Республики Марий Эл по делам архивов, 2016. – С. 210–218 (0,5 п.л.).

59. Козлов, Ф. Н. Государственно-церковные отношения в начале 1940-х гг. (по материалам национальных регионов Среднего Поволжья) / Ф. Н. Козлов // XX век в истории России: гражданственность и патриотизм народа в годы великих потрясений и мирного строительства: сб. ст. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. – С. 142–152 (0,7 п.л.).

60. Козлов, Ф. Н. «Большой террор» в отношении духовенства и верующих (по материалам национальных регионов Среднего Поволжья) / Ф. Н. Козлов // Россия в условиях кризисов XIX–XX веков: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., (Оренбург, 20–21 апреля 2017 г.): в 2 т. Т. 1. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2017. – С. 242–248 (0,4 п.л.).

61. Козлов, Ф. Н. Источники по истории обновленческого раскола в Русской православной церкви (по материалам Государственного исторического

архива Чувашской Республики) / Ф. Н. Козлов // Отражение событий 1917 года в архивных документах: к 100-летию российской революции 1917 года: материалы межрегион. науч.-практ. конф. (Ульяновск, 10 марта 2017 г.). – Ульяновск, 2017. – С. 81–88 (0,6 п.л.).

62. Козлов, Ф. Н. Церковные летописи как исторический источник о событиях 1917 г. / Ф. Н. Козлов // Архиепископ Гурий Казанский – просветитель Среднего Поволжья: материалы I межрегион. Свято-Гурьевских образоват. чтений (Чебоксары – Алатырь, 15–16 мая 2017 г.). – Чебоксары, 2017. – С. 134–143 (0,7 п.л.).

63. Козлов, Ф. Н. Государственно-церковные отношения в 1917 – начале 1940-х гг. (краткий обзор историографии) / Ф. Н. Козлов // Марийский архивный ежегодник – 2017. – Йошкар-Ола: Комитет Республики Марий Эл по делам архивов, 2017. – С. 112–120 (0,7 п.л.).

64. Козлов, Ф. Н. Вскрытие мощей монаха Вассиана в г. Алатырь Симбирской губернии / Ф. Н. Козлов // Архивы в истории. История в архивах: сб. науч. ст. всерос. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 7 июня 2018 г.). – Иркутск: Оттиск, 2018. – С. 151–156 (0,3 п.л.).

65. Козлов, Ф. Н. «Новая женщина» как элемент «нового быта» конца 1910-х – 1930-х гг. / Ф. Н. Козлов // Исторический вестник. Научно-документальный журнал Государственного исторического архива Чувашской Республики. – 2018. – № 1(7). – С. 84–104 (1,2 п.л.).

66. Козлов, Ф. Н. Чебоксарское духовенство и обновленческое движение в Чувашии / Ф. Н. Козлов // Чебоксары: история, этнография, культура: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 30 мая 2019 г.). – Чебоксары: ЧГИГН, 2019. – С. 152–157 (0,3 п.л.).

67. Козлов, Ф. Н. Слово и дело: штрихи к портрету церковной жизни в Ядринском уезде в мае 1917 года / Ф. Н. Козлов // Исторический поиск. – 2020. – Т. 1. – № 3. – С. 120–126 (0,4 п.л.).

68. Козлов, Ф. Н. Восстание в селе Акулево в январе 1921 г. (штрихи к портрету приходской жизни) / Ф. Н. Козлов // Аграрный вопрос в России в XX в.: социально-экономический, политический и культурный аспекты: материалы всерос. науч.-практ. конф. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2021. – С. 79–89 (0,7 п.л.).

69. Козлов, Ф. Н. Закрытие храмов в СССР в начале 1940-х гг. (на примере церкви с. Акулево Чувашской АССР) / Ф. Н. Козлов // Советский Союз в исторической памяти поколений: материалы всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию образования СССР. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2023. – С. 104–111 (0,4 п.л.).

70. Козлов, Ф. Н. «Религиозные устои за последнее время заметно колебались...»: религиозная ситуация в первой половине 1920-х гг. по данным госинформсводок Чувашского областного отдела ОГПУ / Ф. Н. Козлов // Центр и периферия. – 2023. – Т. 18. – № 1. – С. 61–71; № 2. – С. 58–64 (2,1 п.л.).

71. Козлов, Ф. Н. Отец Герман Бенедиктов: штрихи к портрету на фоне эпохи / Ф. Н. Козлов // Актуальные проблемы социогуманитарных дисциплин: материалы конференции преподавателей и студентов ЧГПУ им. И.Я. Яковлева по итогам научно-исследовательской работы за 2023 г. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2024. – С. 142–150 (0,5 п.л.).

72. Козлов, Ф. Н. Открытие храмов в СССР в первые послевоенные годы (на примере церкви с. Акулево Чувашской АССР) / Ф. Н. Козлов // Религиозный фактор в истории Восточной Европы (XVII–XXI вв.): материалы всерос. науч.-

практ. конф. (Чебоксары, 22 сентября 2023 г.). – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2024. – С. 68–76 (0,4 п.л.).

73. Козлов, Ф. Н. Братья Яков и Андрей Турханы – пример разнонаправленной эволюции чувашского духовенства / Ф. Н. Козлов // Высокое служение Отечеству: Персоналии в историко-культурной жизни Российской провинции (к 75-летию академика АН РТ Н. М. Валеева): сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. (Казань, 25–26 сентября 2024 г.). – Казань, 2024. – С. 272–284 (0,6 п.л.).

74. Козлов, Ф. Н. Религиозный вопрос на всероссийских съездах мари и чувашей в 1917–1918 гг. / Ф. Н. Козлов // Актуальные проблемы социогуманитарных дисциплин. Материалы конференции преподавателей и студентов ЧГПУ им. И.Я. Яковлева по итогам научно-исследовательской работы за 2024 г. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2025. – С. 125–134 (0,6 п.л.).

Козлов Федор Николаевич

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА
С РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ
В 1917–1943 ГГ.:
НА МАТЕРИАЛАХ МАРИЙСКОЙ, МОРДОВСКОЙ
И ЧУВАШСКОЙ АВТОНОМИЙ**

Специальность 5.6.1. Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Подписано в печать 08.10.2026 г. Формат 60х84 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать оперативная.
Усл. печ. л. 2,0. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Типография «Новое время»
г. Чебоксары, ул. М. Павлова, 50/1